

ГЛАВА V
«ЗАПИСКИ ГОРЫГОРЕЦКОГО ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО
ИНСТИТУТА»
1852—1857 гг.

ЗАПИСКИ Горыгорецкого земледельческого института стали выходить в результате предоставленного институту по примеру университетов права «издавать в свет речи, рассуждения, программы и отчеты». Но в отличие от так называемых «Актов», которые издавались в это время университетами и в которых печатались только краткие годовые отчеты и речи профессоров на годовых актах в университете, «Записки» имели большой объем и более широкое содержание. Возможность издания «Записок» облегчалась тем, что печататься они должны были в Петербурге в статистическом отделении департамента сельского хозяйства, которое издавало «Журнал МГИ» и которое было уже знакомо с материалами, поступающими от ГЗШ и помещавшимися в министерском журнале. Материалы о ГЗШ появлялись в «Журнале МГИ» с года его основания и в большом количестве: отчеты годовые и об агрономических путешествиях, сообщения об экзаменах и опытах, небольшие заметки о Горках и школе и т. п. Так что «Журнал МГИ», в сущности, являлся печатным органом не только министерства, но и ГЗШ. Поступление от ГЗШ в департамент сельского хозяйства различных материалов, появлявшихся затем в 40-е годы в печати, было также одним из оснований для предоставления ГЗИ права издавать свой печатный орган.

В ноябре 1849 г., в первый год существования ГЗИ, директор департамента сельского хозяйства А. И. Левшин сообщил директору института А. А. Война-Куринскому, что желательно издание «Записок» института, и предложил составить программу этого издания [3; № 1091].

Институт, взяв за образец структуру «Журнала МГИ», представил в департамент проект «Записок» из четырех разделов: 1) официальные учебные распоряжения по ГЗИ; 2) оригинальные статьи преподавателей и учащихся по сельскому хозяйству; 3) переводные статьи по сельскому хозяйству и 4) отдел смеси: извлечения из годовых отчетов, земледельческая хроника и библиография.

Ученый комитет МГИ, рассмотрев проект, разрешил 16 августа 1850 года издавать «Записки ГЗИ» ежегодно по одной книжке с двумя отдела-

ми: в первом отделе—обзор действий и опытов в институте, во втором отделе—оригинальные ученые труды преподавателей и других сотрудников ГЗИ. Отдел смеси, проектировавшийся институтом, был отвергнут, а из переводных статей, по мнению Комитета, в «Записках» могли помещаться только статьи «об открытиях, применимых в России, с указанием, где и как полезно их применить».

Так было положено начало изданию «Записок ГЗИ». На содержании «Записок», выходящих по одной книге в год (с 1852 по 1857), сказались, во-первых, те условия, в которых находилась в эти годы периодическая печать, во-вторых, те требования, которые предъявлялись в это время Министерством народного просвещения к преподавателям высшей школы и, в частности, ГЗИ, и, в-третьих, тот научно-педагогический персонал, которым располагал ГЗИ.

Годы выхода «Записок» были годами усилившейся реакции, наступившей после революции 1848 года в Европе и отразившейся как в появлении целого ряда цензурных запрещений для периодической печати, так и в продолжавшемся и усилившемся гонении на науку, в особенности связанную с крестьянским вопросом.

Так с 1848 по 1854 г. цензурным комитетом, находившимся в ведении МНП, были, между прочим, запрещены к печати: 1) «всякие, хотя бы и косвенные, порицания действий или распоряжений правительства и установленных властей, в какой бы степени сии последние ни принадлежали»; 2) «похвала учреждениям, прежде нежели оные будут исследованы по правилам науки и признаны вполне основательными»; 3) «критики, как бы благонамеренны они ни были, на иностранные книги и сочинения, запрещенные и потому не должны быть известными»; 4) «разбор и порицание существующего законодательства и т. д. [39; 335—337].

Цензурные запрещения направлены были главным образом против газет и журналов, которые в связи с этим утратили свое прежнее общественно-политическое значение. Политический отдел разрешено было иметь только 4 газетам («Петербургские ведомости», «Северная пчела», «Русский инвалид» и «Московские ведомости»). «Журналистика, по словам одного из современников, сделалась делом опасным и в высшей степени затруднительным. Надо было взвешивать каждое слово, говоря даже о травосеянии или коннозаводстве, потому что во всем предполагалась личность или тайная цель». [50; 102]. В журналах и газетах стали появляться статьи на специальные, технические темы: об обработке торфа, о дублении кожи, о рыбководстве и т. п. Но и эти статьи не остались без внимания цензуры. Член цензурного комитета Анненков изгнал в «Курских губ. ведомостях» (1850) статью, в которой проповедывалось безбожие: «мироздание и образование нашей планеты и самое появление на свет человека изображаются и объясняются в статье по понятиям некоторых геологов, вовсе не согласованным с космогониею Моисея в его книге «Бытия» [63; 267]. После этого появилось распоряжение подвергать общей цензуре и провинциальные губ. ведомости.

С 1856 года цензура несколько ослабела, и журналы получили разрешение печатать статьи по крестьянскому вопросу. Но это продолжалось недолго. Журнал «Современник» в отделе, выделенном крестьянскому вопросу под заглавием «В новых условиях сельского быта», успел поместить только две статьи профессора К. Д. Кавелина, доказывавшего необходимость освобождения крестьян с землею (1858, № 2 и 4). Эти статьи, отредактированные Н. Г. Чернышевским, вызвали обвинение журнала в «злонамеренной тенденции возмущать Россию против прав-

тельства», а также выговор цензору и отмену названного разрешения цензуры [76 а; 361—62, 711—12]. А. И. Кошелев, редактор московского журнала «Русская беседа», после разрешения вести особый отдел по крестьянскому вопросу стал издавать при журнале ежемесячник «Сельское Слагоустройство», но из-за больших цензурных препятствий, связанных с высылкой статей из Москвы в Петербург на просмотр Главного управления по делам цензуры, с трудом продержался с его изданием один год. После того, как из 17 статей двух очередных номеров «Сельского благоустройства» 12 запретили и 5 изуродовали, Кошелев прекратил ежемесячник. «Дозволяют говорить против крестьян, против эмансипации, а строжайше воспрещают что-либо писать в пользу крестьян и эмансипации. Слова «освобождение крестьян от крепостной зависимости» вычеркиваются», — писал Кошелев одному из сотрудников в июле 1858 г. [50; 361].

Кроме цензуры, вся печать с 1846 года находилась под наблюдением секретного «Бутурлинского комитета» (по фамилии руководителя комитета Бутурлина), который контролировал цензуру и рассматривал произведения после появления их в печати.

Цензурные запреты конца 40-х—начала 50-х годов коснулись «Журнала МГИ» и «Записок ГЗИ». Начиная с 4-го номера за 1848 год, из «Журнала МГИ» цензурой было изъято «Обозрение современных экономических событий в Зап. Европе», помещавшееся ежемесячно и сообщавшее сведения о состоянии за границей урожаев, законодательства в области экономики, исследований по агрономии и т. п. Изъятие из журнала этого отдела было вызвано боязнью цензуры, что в Россию вместе с названными сведениями проникнут какие-либо сообщения и о революционных событиях в Зап. Европе. Поэтому, как описано выше, был исключен из «Записок ГЗИ» запроецированный Советом ГЗИ отдел с переводными статьями. С начала 50-х годов МГИ вынуждено было также прекратить свои неперидические выпуски «Сельского чтения», популяризовавшие естествоведческие знания среди крестьян.

Запретительные цензурные правила в начале 50-х годов крайне уменьшили в «Журнале МГИ», а затем в «Записках ГЗИ» статьи антикрепостнически-освободительного и просветительного характера. Но нельзя согласиться с мнением, высказанным в экономической литературе, что усилившиеся реакция и цензура произвели переворот во взглядах деятелей МГИ, что Заблоцкий отказался от своих убеждений и стал поддерживать крепостное, барщинное хозяйство, а Веселовский, его соратник по редактированию журнала, переключился с политической экономии на метеорологию [55 б; 261—2]. В действительности же Заблоцкий и его единомышленники продолжали и в условиях усилившейся реакции свою деятельность в направлении, избранном ими в 40-е годы, что в значительной степени проявлялось в поддержке ими антикрепостнической деятельности ГЗИ и его «Записок». И только в 1857 году с приходом в МГИ министра-крепостника М. Н. Муравьева Заблоцкий, Веселовский и некоторые другие их сторонники были удалены из МГИ и ГЗИ.

«Журнал» и «Записки» имели особых цензоров. Цензором первых 4 книжек «Записок» был Н. Пейкер, состоявший до 1849 года директором ГЗИ, а затем назначенный членом цензурного комитета, находившегося в ведении МНП, и успевший ко времени выхода «Записок» зарекомендовать себя необыкновенной пунктуальностью и придирчивостью при исполнении своих цензурских обязанностей. Пейкер был цен-

зором также газеты «Петербургские ведомости» и журнала «Библиотека для чтения».

Цензорская придирчивость Пейкера доходила до таких нелепостей, что даже цензурный комитет отказывался их понимать. Примером такой нелепости является запрещение Пейкером печатать метеорологическую таблицу только потому, что в ней старый и новый стиль был обозначен принятым в то время способом, а именно:

по старому стилю

по новому стилю

Пейкер потребовал, чтобы над чертой писался новый стиль, а под чертой—старый, считая, видимо, что старый стиль, как основной, должен находиться в основе — под чертой [71; 370]. Так как составитель таблиц отказался переделывать уже напечатанный материал, а Пейкер настаивал на своем требовании, то дело дошло до председателя цензурного комитета М. Н. Мусина-Пушкина, который после «долгого и глубокого размышления» разрешил оставить таблицы в отпечатанном виде. В «Записках ГЗИ» метеорологические таблицы печатались (книжки 3 и 4), так сказать, компромиссным способом: старый и новый стиль обозначался рядом, одной строкой — сначала старый стиль, затем новый.

Но, разумеется, Пейкер как цензор показал себя не только в этих мелочах, но и в действиях, направленных против литературы. Сенковско-го, редактора «Библиотеки для чтения», своими цензурскими придирками Пейкер довел до того, что тот решил совсем отказаться от редакторства. «Пейкер, — писал Сенковский своему приятелю, — запрещал все, что я ни напишу—ну решительно все; не оставалось более ничего делать, как обратиться от литературы в промышленность, и я записался в купцы: открыл табачную лавочку и фабрику; и вот мы трудимся с Каулем (сотрудником по журналу), который обладает мудростью делать неслыханные табачки, папиросы и сигары» [63; 291].

По предложению Пейкера в марте 1852 года, за месяц до подписания им, как цензором «Записок ГЗИ», была запрещена в «Петербургских ведомостях» статья И. С. Тургенева по поводу смерти Гоголя — статья, в которой Тургенев называл Гоголя «великим» писателем.

Когда же в 1855 году Пейкер, обзаведшись именем около Петербурга, ушел из цензурного комитета, то Левшин, перешедший в это время из МГИ в Министерство внутренних дел, предложил Пейкеру поступить к нему в помощники для систематизации и изучения дел по крестьянскому вопросу, но Пейкер на это предложение ответил Левшину с таким враждебным отношением к крестьянской реформе, что Левшин сразу же отказался от своего предложения [107 п].

Таков был бывший директор ГЗШ и цензор первых четырех книжек «Записок». Несомненно, что МНП, назначая Пейкера цензором «Записок», руководствовалось тем, что Пейкер знал ГЗИ по своей предыдущей службе, а также его чрезмерным усердием в цензурской деятельности, что должно было строго охранять «Записки» в рамках цензурных правил.

Цензором пятой книжки «Записок» (1856) был В. Н. Бекетов и шестой — Д. Мацкевич, мало чем уступавшие Пейкеру в строгом следовании цензурным правилам.

Хотя В. Бекетов, будучи одно время цензором «Современника» и поощряя Н. А. Некрасова, называл себя «просвещенным цензором», но в

то же время запретил помещать в «Записках» речь адъюнкт-профессора И. А. Азаревича «О цели преподаваемого в институте положительного русского законодательства» — речь, произнесенную им 30 августа 1855 года на торжественном акте ГЗИ. Хотя это запрещение мотивировалось тем, что речь Азаревича была не на сельскохозяйственную тему, но в действительности она не была разрешена к печати, так как содержала в себе разбор существовавшего законодательства [3; № 1367. — 68; 198, 298]. Запретив печатать речь Азаревича, Бекетов разрешил поместить в «Записках» статью «О поземельном богатстве Воронежской губ.», получившую похвальный отзыв в «Современнике», и, возможно, за это получил выговор и долго не засиделся, как сам признавался, на цензуре «Записок». Д. Мацкевич, цензор последней (1857) книжки «Записок», изъясил отчет по учебной ферме, как не имеющий, по его мнению, отношения к ГЗИ.

Таковы были в годы выхода «Записок» правила для периодической печати и те цензоры, которые разрешали их выпуск. Кроме того, на содержании «Записок» сказывались и те требования, которые предъявлялись к научно-педагогической деятельности преподавателей высшей школы.

Описанные в предыдущей главе распоряжения МНП, направленные на разукрупнение и ослабление университетов, были настолько близки к закрытию университетов, что стали раздаваться голоса в их защиту.

В «Современнике» [1849, III] появилась статья директора Петербургского педагогического института И. И. Давыдова «О назначении русских университетов», раскрывавшая значение русских университетов в общественном развитии, разоблачавшая антиуниверситетскую правительственную политику и показывавшая ее несостоятельность.

«Порицатели университетов» (так называет Давыдов врагов университетского образования) боялись общественных, исторических, юридических, классических наук в университете, от которых, по их мнению, распространялись «безбожие, безначалие, мятеж, разврат». Такое мнение автор статьи считает легкомыслием лиц, не читавших латинских писателей и не знакомых с историей.

Пугало «порицателей университетов» также скопление в университетах разночинной, в особенности из духовного звания, молодежи, приносившей в университеты идеи демократизма. Стараясь успокоить реакционные круги от этой бязни, Давыдов приводит в статье цифровые данные из министерских отчетов о социальном составе студентов всех русских университетов и, в частности, Петербургского, выделяя среди студентов-разночинцев только студентов из духовного звания, видимо, как наиболее опасных, по мнению правительства. В это время во всех русских университетах числилось 3937 студентов, из них дворян и детей чиновников — 2506, остальные из разночинцев, из духовного звания — 279, т. е. 7%. В Петербургском университете из 653 студентов было дворян 405, детей чиновников — 77 и из духовного звания — 19, т. е. 3%.

Рассматривая университеты как очаг вольномыслия и место скопления демократической молодежи, «порицатели университетов» считали университетское образование «преждевременным», ненужным и «полагали, что у нас можно с пользой иметь одни только специальные училища», т. е., прямо говоря, предлагали закрыть университеты, заменив их специальными школами. Противники университетского образования не понимали, пишет Давыдов, что «без университетского образования не может быть и специального» и что факультеты в университете — это

те же специальные училища правоведения, медицины, математики, философии.

Статья Давыдова, пролившая свет на правительственную политику в области высшего образования после 1848 года, привлекла внимание цензуры, усмотревшей в ней «неуместное для частного лица вмешательство в дело правительства». Возникло дело по поводу статьи, повлекшее за собой запрещение вообще писать что-либо об университетском образовании, а также увольнение с поста министра просвещения Уварова, так как статья была помещена в «Современнике» с его одобрения. Уварова в 1849 году сменил Ширинский-Шихматов, продолжавший политику ослабления университетского образования.

Одним из первых (24 октября 1849 года) распоряжений нового министра было «Наставление ректору и деканам» Петербургского университета о постоянном и более строгом надзоре за преподаванием всех предметов, в особенности государственного права, политической экономии, философии и исторических предметов. «Наставление» запрещало высказывать «сомнение в пользе и необходимости самодержавия в России». Пункт шестой «Наставления» говорил следующее:

«В видах охранения внутреннего в России спокойствия, ректор и деканы не дозволяют в лекциях профессоров изъяснять в неумеренных выражениях сожаление о состоянии крепостных крестьян, говорить с преувеличением о злоупотреблении власти помещиков или доказывать, что перемены в отношениях первых к последним были бы полезны для государства» [71; 351—353]. Эта инструкция вносила большие ограничения в учебные и научные занятия преподавателей и, касаясь не только университетов, но и других высших школ, в том числе и ГЗИ, не могла не сказаться на содержании «Записок».

Материал для «Записок», поступающий из ГЗИ, рассматривался и отбирался, согласно Положению (§ 79), Ученым комитетом МГИ. Некоторые статьи отклонялись этим комитетом из-за неудовлетворительности стиля, по бедности содержания и т. п. Из материалов, присланных в Петербург для первой книжки, Ученым комитетом не была принята статья учителя и топографа ГЗИ Островского «Практическое руководство к производству нивелирования для сельских хозяев», как статья, написанная неточным слогом и не дающая ясного описания инструмента.

Статья адъюнкт-профессора Рего «Изложение систем и важнейших правил к определению плодов» (1853) была возвращена Ученым комитетом автору, как статья неудовлетворительная, не содержащая критического отношения к материалу и показывавшая, что автор «не владеет настолько русским языком, чтобы изложить систематически правила помологии, никем у нас не обработанные, и создать удачно в духе языка новые термины». Статья не перерабатывалась и в печати не появилась [3; № 1091].

Замечание Ученого комитета адъюнкт-профессору Рего, что он не владеет русским языком, могло быть отнесено не только к Рего, но и к другим преподавателям ГЗИ, окончившим Дерптский университет, где преподавание велось по-немецки. О плохом знании этими преподавателями русского языка отзывался и А. В. Советов, учившийся в ГЗИ на рубеже 40—50 годов [27 б].

Кроме работ преподавателей, в «Записках» по Положению могли печататься так называемые «рассуждения», которые писались студента-

ми при окончании ГЗИ для получения звания агронома. Отдельные из таких рассуждений были напечатаны в «Записках», а некоторые отклонялись Ученым комитетом. Так, по мнению Ученого комитета, «неудобно» было помещать в «Записках» статью окончившего ГЗИ агронома А. Дейгмана «Определение времени по тени растений», так как в статье были описаны обычные солнечные часы. Не поместил в «Записках» Ученый комитет и рассуждение окончившего ГЗИ агронома Е. Сняtkова «Нововведения в сельском хозяйстве», так как Сняtkов в своем рассуждении ограничивается повторением общих мест и ничем не доказанных положений [1; № 6114].

Основной материал для «Записок» составлялся преподавателями института, число которых в 50-е годы увеличилось по сравнению с тем, как было в высшем разряде ГЗШ. Прежде всего следует отметить появление в ГЗИ первых преподавателей-агрономов из окончивших ГЗИ.

Таблица 7
Профессора Горыгорецкого института в 50—60-е годы
из числа его питомцев

Фамилии	Годы			Предмет преподавания	Примечания
	рождения	окончания ГЗИ	назначения в ГЗИ		
Бажанов А. М.	1824	1851	1863	Животноводство	До назначения в ГЗИ преподаватель агрономии в Московской семинарии и заведующий хутором Московской земледельческой школы
Жебенко Ю. Ю.	1825	1850	1853	Лесоводство	Одновременно и в земледельческом училище
Козловский А. Н.	1832	1852	1860	Сельскохозяйственная механика и архитектура	В 1856 году переаттестован в инженеры и прикомандирован в ГЗИ для устройства дренажа
Коссович С. С.	1830	1853	1856	Геодезия и черчение	С 1859 года преподаватель математики в ГЗУ
Советов А. В.	1825	1850	1854	Сельскохозяйственная технология	Одновременно и в земледельческом училище
Стебут И. А.	1833	1854	1860	Земледелие	С 1854 года пом. управл. Горыгорецкой учебной фермой и преподаватель ГЗУ

Появление в 50-е годы в ГЗИ преподавателей, выращенных самим институтом, было важным показателем успешной деятельности ГЗИ. В 1853/54 году были также определены адъюнкт-профессорами окончивший Харьковский университет магистр математики Ф. Н. Королев и окончивший Киевский университет А. А. Гинцель; первый — по математике и механике (вместо Больмана), а второй — по кадастру и люстрации. Назначение преподавателями ГЗИ пяти питомцев ГЗИ, а также Королева, Гинцеля и ранее названных Азаревича, Венцовского, окончивших Киевский университет, Раздольского, окончившего Московскую медицинскую академию, создавало в ГЗИ в 50-е годы количественный перевес новых преподавателей над преподавателями, окончившими Дерптский университет, из которых оставались Целлинский, Михельсон, Краузе, Рего, Шмидт.

В ГЗИ и ГЗУ в 50-е годы действовали 4-летние учебные планы. Лекционных часов в ГЗИ в неделю (при 32 учебных неделях в году) было на первом курсе в 1-м семестре (с 15 августа по 22 декабря) 25, во 2-м семестре (с 7 января по 15 июня) — 22, на втором курсе соответственно — 23 и 24, на третьем курсе — 29 и 26 и на четвертом курсе — 34 и 4.

Учебный план Горыгорецкого земледельческого института в 50-е годы XIX века (указаны предметы, курсы их изучения и общее число часов) [92; кн. 4, табель лекций в ГЗИ].

1. Математика, I-II	112	21. Энциклопедия сельского хозяйства, I	64
2. Физика, I-II	160	22. Земледелие, III	30
3. Химия неорганическая, органическая и аналитическая, I-II	114	23. Растениеводство и луговое хозяйство, IV	64
4. Ботаника, физиология растений и сельскохозяйственная ботаника, I-II	128	24. Репетиции по природоведению, IV	48
5. Зоология, I-II	80	25. Репетиции по сельским наукам, IV	48
6. Минералогия, II	32	26. Кадастр и люстрация, III	96
7. Черчение, I-III	160	27. Упражнения по кадастру и люстрации, IV	48
8. Рисование, I-IV	128	28. Энциклопедия камеральных наук, IV	64
9. Закон божий, I-II	64	29. Сельскохозяйственная статистика в России, IV	32
10. Логика, I	32	30. Организация хозяйства, IV	64
11. История русской литературы, I	48	31. Сельскохозяйственная бухгалтерия, III	16
12. Упражнения по русскому языку, II-III	64	32. Животноводство, III	64
13. Немецкий язык, I-III	288	33. Диетика и хирургия, III	48
14. Геодезия, II	32	34. Патология, терапия, III	48
15. Репетиции по геодезии, IV	16	35. Лесоводство и лесоустройство, III-IV	64
16. Механика, общая, прикладная и земледельческая, II-IV	160	36. Законоведение. Начала правоведения, II	32
17. Сельскохозяйственная архитектура, III-IV	160	37. Русское законодательство, III	80
18. Сельскохозяйственная технология, III	64	38. Практическое судопроизводство, IV	48
19. Огородничество и садоводство, II	48		
20. Пчеловодство, II	32		

Раз в неделю вне расписания беседы-литературные (I и II курс) и сельскохозяйственные (III и IV курс).

Приведенный четырехлетний учебный план ГЗИ в 50-е годы, хотя и отличался от трехлетнего плана, установленного в 1842 году и несколько видоизмененного в конце 40-х годов, но имел в виду, как и трехлетний план бывшего высшего разряда, подготовку агронома-универсала: одновременно и полевода, и животновода, и экономиста, и механизатора. Четырехлетний срок обучения позволил увеличить число учебных часов на некоторые предметы, в особенности на технические и экономические. На технические предметы: общую и сельскохозяйственную механику, сельскохозяйственную технологию и архитектуру, а также математику, связанную с техникой, отводился 31 час, вместо 10, имевшихся в учебном плане 1847 года. Знание этих предметов всё более и более вызывалось развивавшейся техникой, проникавшей и в сельское хозяйство. На экономические предметы число учебных часов увеличивалось в 2,5 раза, «вместо прежних 6 часов на домоустройство, домоводство, камеральные науки, бухгалтерию и статистику; в приведенном плане отводилось 15 часов», причем домоустройство и домоводство заменялись организацией сельского хозяйства и энциклопедией сельского хозяйства.

Несколько меньше увеличилось число учебных часов по полеводству (с 8 на 12) и животноводству (с 9 на 12). Многие же предметы остались с малым числом часов: пчеловодство, лесоводство и геодезия имели по 2 часа в семестр.

Логика была включена в учебный план ГЗИ Ученым комитетом, как предмет, составлявший «краеугольный камень всякого высшего образования» [17; 46].

Программы, учебники и учебные пособия по предметам учебного плана утверждались Ученым комитетом МГИ. Большинство институтских преподавателей при чтении лекций руководствовались учебниками и учебными пособиями, меньшинство, как Целлинский, Рего, Шмидт, Гинцель, Жебенко, Советов и Стебут, при чтении некоторых курсов придерживались собственных записок. Целлинский, как инспектор классов (декан), представляя в МГИ отчет о состоянии преподавания в ГЗИ, например, за 1955/56 учебный год, говоря о себе, как лекторе двух основных предметов (земледелия и организации хозяйства), писал, что по курсу земледелия он придерживался составленного им самим руководства, напечатанного затем в 1860 г. [3; № 843 и 844]. По курсу организации хозяйства Целлинский записок не составлял и объяснял это тем, что «в настоящее время (середина 50-х годов) в России невозможно догматическое изложение предмета по организации хозяйства и что организация хозяйства—это наука по преимуществу «сообразительная», развивающая способность и умение соображать различные хозяйственные отношения, что достигается не догматическим изложением этой дисциплины, а упражнениями со студентами по составлению хозяйственных планов и учетов, севооборотов и т. п. К тому же основные темы организации хозяйства: о земельном доходе, рабочей силе, капитале и т. п. более подробно изучались в таких предметах, как кадастр и люстрация, а главным образом в политической экономии, которая входила в учебную жизнь ГЗИ и официально включена в учебный план 1859 года.

Оба названных курса Целлинский читал изустно, часто в виде беседы, студенты не записывали лекций с его слов, а только отмечали в своих тетрадях некоторые цифровые и фактические данные и выводы. «Студенты ГЗИ, по словам Целлинского, обременены множеством предметов, гораздо большею численностью их, нежели в каком-либо университетском курсе, а поэтому и на составление подробных записок со слов преподавателей не имеют времени».

В то же время Целлинский считал многопредметность в учебном плане ГЗИ необходимой, так как русское сельское хозяйство нуждается в агрономах широкого профиля, что он высказал в своей объяснительной записке к первому учебному плану высшего разряда ГЗШ. В отчете по ГЗИ к данному мотиву в пользу многопредметности указывалось, что 4-летний срок обучения и полнота образования при многопредметности необходимы для оправдания тех прав и преимуществ, по которым студенты ГЗИ были уравнены со студентами университетов [92; к. 3, 5—9]. Далее названы основные учебники и учебные пособия, которыми пользовались преподаватели ГЗИ в 50-е годы.

1. Азаревич И. В. — по хозяйственной статистике: А. И. Бутовский — «Опыт о народном богатстве», Горлов — «Экономическая статистика России» и статистические очерки, составленные Арсеньевым; по законоведению: Добровольский — «Курс законоведения».

2. Венцовский Ф. О. — по логике: руководство Новицкого; по литературе: К. П. Зеленецкий — «Курс русской словесности».

3. Гинцель А. А.—по кадастру и люстрации: пособия Бенценбера, Флотова и Горлова и собственные записки.
4. Жебенко Ю. Ю.— по лесоводству: сочинения Арнольда и памятная книжка для чинов лесного управления и собственные записки.
5. Кюпфер Р. Е.—по сельской технологии: сочинения Гермшtedта и Ильенкова; по лесоводству: Котты и Длатовского.
6. Краузе В. И.— по энциклопедии сельского хозяйства: сочинения Пабста.
7. Королев Ф. Н.— по математике: руководства Мейера, Соколова и Бурдона; по сельской архитектуре: Свиязев и Красовский; по прикладной механике: Ястржембский.
8. Коссович С. С.—по геодезии и черчению: сочинения Болотова, Лёве и памятная книжка для межевых чинов.
9. Раздольский П. А.— по зоологии и ветеринарии: сочинения Всеволодова, Швабе, Лукина, Пашкевича, Бунге.
10. Рего Э. Ф.— по садоводству и огородничеству: собственное печатное «Руководство», СПб, 1853; по ботанике: И. Шиховский «Краткая ботаника для гимназий» и сочинения Шлейдена.
11. Советов А. В.— по сельскохозяйственной технологии: собственные записки.
12. Стебут И. А.— по земледелию (с 1860 г.): собственные записки.
13. Целлинский Б. А.— по земледелию, растениеводству и луговодству: собственные записки (напечатано в 1860 г.).
14. Шмидт К. Д.— по физике: руководства Ленца и Писаревского; по химии: собственное печатное руководство «Основания химии в применении ее к сельскому хозяйству, технической промышленности и домашнему быту», М., 1854. «Основаниями химии» Шмидта пользовались как руководством в Лесном институте, Московской коммерческой академии и Харьковском ветеринарном училище [92; кн. 4, отзывы о книгах].

Перечень показывает, что половина преподавателей ГЗИ пользовалась собственными записками, появлявшимися затем в печати, другие же прибегали к руководствам, принятым в высшей школе.

Значительное место отводилось в ГЗИ и практике. Отчет по ГЗИ отмечает: «При изложении наук преподаватели наши постоянно руководствуются мыслью и желанием сблизить науку с нуждами и потребностями практической жизни... Вместе с тем изыскивались все средства..., чтобы учащиеся в наших заведениях как можно больше упражнять в практике» [92; кн. 3, 5—9].

Практика проходила с 15 июля по 15 августа и носила в основном экскурсионно-наблюдательный характер; отпуска студентам в это время не разрешались.

По отчетам за пятидесятые годы студенты 2—3 курсов (первый курс не участвовал в практике)

- 1) по полеводству наблюдали на учебном и хозяйственных фермских полях за разными севооборотами, обработкой льна, дренированием земель на ферме и т. п.;
- 2) по скотоводству присутствовали на всех видах работы на конском заводе, где до 37 голов, и на скотном дворе с племенным стадом коров, овец, свиней; знакомились с приемами доения коров, сохранения молока, с преимуществами того или другого корма, с устройством скотного двора (по моделям) и т. п.; посещали ветеринарную клинику;
- 3) по технологии знакомились с некоторыми техническими производствами в техническом заведении, построенном в институте в 1854 г., а также в окрестностях Горок, в имениях, где приготавливались солод, крахмал, где было пивоварение и винокурение;
- 4) по механике получали объяснение в мастерских фермы и в музее сельскохозяйственных машин об изготовлении сельскохозяйственных машин и орудий;
- 5) по лесоводству упражнялись в дендрологическом питомнике в посеве и посадке деревьев, со способами лесовозобновления и т. п.;
- 6) по геодезии, разделившись на партии в 6—8 человек, занимались ситуационной съемкой, приучались к употреблению нивелира, эккера, астролябии и мензулы;
- 7) по кадастру и люстрации занимались бонитировкой земель на ферме, полу-

чая объяснение правил оценки земельных угодий и надела государственных крестьян землями;

- 8) по архитектуре получили от гражданского инженера объяснение инженерских правил на каменных и деревянных постройках в ГЗИ и в местечке Горках;
- 9) по ботанике познакомились в ботаническом саду, оранжерее, окрестностях института с местной флорой [17; 50—52].

Некоторые из перечисленных видов практики выполнялись также и учениками ГЗУ, только к ним предъявлялись более строгие, чем к студентам, требования непосредственного выполнения работ.

Студенты 4-го курса кончали лекционные занятия в 7-м семестре, а в 8-м (начиная с апреля) проходили главным образом административно-хозяйственную практику и держали выпускные экзамены, которые проводились первоначально после практики, а затем, с середины 50-х годов, до практики. Во время практики студенты-выпускники, находясь в распоряжении управляющего фермой Михельсона, распределялись по разным отраслям для наблюдений за ходом производства: присутствовали при нарядах на работы, следили за их исполнением, изучали порядок полевых работ и т. п.

Описанная постановка теоретического и практического обучения в ГЗИ, отвечавшая требованиям высшей школы, давала руководителям института основание говорить в высоком уровне сельскохозяйственного образования, сообщавшегося в ГЗИ в 50-е годы. В отчете за 1852/53 учебный год говорится:

«Мы можем смело теперь сказать, что нет ни в одном государстве специального по сельскому хозяйству учебного заведения, которое могло бы равняться с нашим Институтом по обширности курсов и полноте агрономического образования. Справедливость требует, однако, прибавить, что это происходит частью от того, что в заграничных агрономических институтах и академиях на прохождение всех наук агрономического образования полагается от 1 до 2-х лет не более, тогда как в нашем институте выслушивается полный курс только в продолжение 4 лет».

Учебные занятия в Горыгорецком земледельческом училище в 50-е годы и в дальнейшем проходили по учебному плану, предметы которого распределялись по классам и числу часов следующим образом: [92; кн. 4, Табель лекций в ГЗУ]:

I. Общие предметы: русский язык, I—IV—320, арифметика, I—IV—304, закон божий, I—IV—160, русская история, II—32, география, I—II—80, чистописание, I, II, IV—192.

II. Вспомогательные предметы: естествознание, III—IV—32; геометрия, II—32; черчение, I—III—144, рисование, I—III—96.

III. Специальные предметы:

1. Общие понятия о сельском хозяйстве, I—32.	7. Лесоводство, IV—16.
2. Полеводство, II—IV—112.	8. Пчеловодство, II—16.
3. Скотоводство, II—III—64.	9. Садоводство и огородничество, III—16.
4. Скотоврачевание, III—IV—48.	10. Геодезия, III—32.
5. Сельскохозяйственная архитектура, II—IV—80.	11. Законоведение, III—IV—48.
6. Сельскохозяйственная технология, III—IV—48.	

Классных уроков в неделю (всех учебных недель в году было 32) в I-м классе в 1-м полугодии было 18, во втором полугодии — 21, во II-м классе — 18 и 20, в III-ем — 15 и 21, в IV-ом классе в 1-м полугодии — 14, а во 2-м полугодии ученики готовились к экзаменам и работали на ферме. Уроки в ГЗУ распределялись так, чтобы ученики «могли присутствовать на всех главнейших полевых работах и сами принимать в них уча-

стие» (§ 35 Положения). Занятия на учебной ферме были главным образом практические по сельскому хозяйству и разным ремеслам: обработке общих и опытных полей, расчистке лугов, уходу за скотом, кузнечным, столярным, бондарным и другим работам. Учебные теоретические занятия проходили с 1 октября до начала декабря и с января до второй половины апреля по грамматике, арифметике, природоведению и сельскому хозяйству в послеобеденные часы. Занятия по сельскому хозяйству проводил Михельсон, а остальные — учитель Вильбоа.

Таблица 8

Число учащихся в ГЗИ, ГЗУ и на учебной ферме в 50-е годы

Учебные заведения	Годы										
	1850	1851	1852	1853	1854	1855	1856	1857	1858	1859	1860
Земледельческий институт	183	197	218	222	197	182	168	154	112	147	162
Земледельческое училище	59	60	60	66	82	82	81	71	62	73	94
Учебная ферма	115	123	133	159	137	124	124	123	85	95	104
Итого	357	380	411	447	416	388	373	348	259	315	360

[17; Приложение II и соответствующие отчеты].

Как показывает таблица, наибольшее число студентов института было в годы выхода первых книжек «Записок ГЗИ» (1852 и 1853 годы), а затем с каждым годом это число падает, уменьшаясь в 1858 г. на 50 процентов. Падение числа учащихся в институте объясняется Крымской войной (октябрь 1853—март 1856 гг.), отразившейся на всей жизни России, а также тем, что с 1856 года молодежь устремилась в университеты, прием в которые стал свободнее после снятия различных ограничений, введенных в связи с революционными событиями 1848 года.

Далее приводятся в виде примера таблицы распределения учащихся ГЗИ и ГЗУ по месту происхождения и по сословию в 1857/58 учебном году.

Таблица 9

Распределение студентов ГЗИ по месту происхождения (по губерниям) в 1857/58 учебном году [90-г.]

1. Центр России	Воронежская	7	Нижегородская	2	Тамбовская	4	Число студентов	%
	Калужская	3	Орловская	4	Тверская	1		
	Курская	1	Пензенская	2	Тульская	2		
	Московский	2	Смоленская	10	Ярославская	3		
Итого							41	27
2. Север и восток России	Архангельская	1	Оренбургская	1	Самарская	1	Число студентов	%
	Астраханская	1	Пермская	1	Саратовская	6		
	Вологодская	1	Петербургская	1				
	Казанская	2	Псковская	2				
Итого							17	11
3. Белоруссия	Гродненская	2	Витебская	15	Минская	4	Число студентов	%
	Могилевская	28						
	Итого							
4. Украина	Волынская	1	Подольская	3	Харьковская	1	Число студентов	%
	Екатеринославская	3	Полтавская	1	Херсонская	1		
	Киевская	4	Таврическая	2	Черниговская	8		
	Итого							

5. Другие губернии	Бессарабская	2	Виленская	2	Ковенская	3	Число студентов	%
	Лифляндская	7	Тифлисская	3				
Итого							17	11
6. Из царства Польского	2		Финляндия, Германия и Франция			3	Число студентов	%
	Итого							
Всего							153	100

Таблица 10

Распределение учеников ГЗУ по месту происхождения (по губерниям) в 1857/58 учебном году [90-г.]

1. Центр, север и восток России	Московская	1	Псковская	2	Смоленская	1	Число учеников	%		
	Новгородская	1	Самарская	1	Тверская	1				
	Петербургская	1	Симбирская	2	Тульская	3				
	Итого								13	18
2. Белоруссия	Витебская	1	—			Могилевская	39	Число учеников	%	
	Итого									40
3. Украина	Екатеринославская	1	Полтавская	1				Число учеников	%	
	Таврическая	1	Херсонская	6						
	Черниговская	5	Итого							14
4. Другие губернии	Виленская, Курляндская и Лифляндская по 1						Число учеников	%		
	Итого								3	4
5. Из Германии (Гамбург)							1	1		
Всего							71	100		

Приведенные таблицы показывают, что ГЗИ обслуживал большую территорию тогдашней России, тогда как ГЗУ обслуживало главным образом Белоруссию. Появление среди студентов ГЗИ иностранцев свидетельствовало об известности ГЗИ за границей.

Таблица 11

Социальный состав тех же учащихся ГЗИ и ГЗУ в 1857/58 учебном году [90-г.]

Учебные заведения	Сословия	Крестьяне	Дворяне	Мещане	Военное	Духовное	Купеческое	Другие	Итого
Институт	Число студентов	2	85	13	22	16	10	5	153
	%	1	56	8	17	10	5	3	100
Земледельческое училище	Число учеников	36	7	21	—	—	7	—	71
	%	50	10	30	—	—	10	—	100

Большая половина студентов, как показывает таблица, была из дворян. При отнесении их к дворянству следует иметь в виду тогдашнюю дифференциацию дворянства в связи с кризисом крепостного строя. С 40-х годов XIX столетия гимназии, университеты и другие учебные заведения России стали пополняться дворянами, в основном обедневшими, выбитыми из колеи помещичьего уклада кризисом крепостных порядков, утратившими связь с помещичьим бытом (например, Некрасов, Герцен и др.). В своей деятельности эти дворяне способствовали формированию разночинной интеллигенции [97 б; 89—104], пополняли в 50-е годы состав учащихся ГЗИ. Например, студент ГЗИ И. А. Стебут — сын дворянина-аптекаря в г. Великие Луки, студент ГЗИ А. Н. Козловский (затем профессор ГЗИ) — сын обедневшего землевладельца (шляхтича) Могилезской губ., добившегося от Минского дворянского собрания справки о своем дворянстве при определении сына в Минскую гимназию, которую окончил в 1848 г., но не получившего его утверждения в дворянстве со стороны Герольдии Правительствующего сената [6 б; № 1554]. Квазидворянство А. Н. Козловского было характерным для многих студентов-дворян ГЗИ, в особенности происходивших из шляхты. Оказавшись среди разночинцев, составлявших меньшую половину студентов ГЗИ, и мало чем отличаясь от них по материальному положению, студенты-дворяне вместе с разночинцами образовывали в ГЗИ разночинный состав учащихся, подобный тому, который был в высшем разряде ГЗШ в 40-е годы.

О материальном положении студентов ГЗИ можно судить по следующим условиям их жизни: 95 студентов жило с разрешения Совета и МГИ на частных квартирах, платя по 8—10 руб. в месяц; 12 из них, наиболее бедных, содержались на средства, собиравшиеся среди студентов; 32 студента жили в пансионе на казенный или ведомственный счет (ВЭО, Кавказского Комитета, Южного сельского хозяйства, МНП, духовного ведомства) и 26 студентов жили в пансионе на свой счет, платя 10—12 руб. в месяц.

Из учеников ГЗУ, происходивших в большинстве из крестьян, 25 обеспечивались стипендией, а большинство жило на свой счет в пансионе или на частных квартирах.

Воспитанники учебной фермы при ГЗИ были почти исключительно дети государственных крестьян, набирались губернскими казенными палатами и содержались за счет МГИ в фермском общежитии. Детей помещичьих крестьян на ферме вначале было 2—3, а затем 14—17. Содержались они за счет помещиков.

Приведенные сведения об учебных планах и составе преподавателей и учащихся являются такой же необходимой предпосылкой для анализа «Записок ГЗИ», как и описанные выше цензурные и издательские условия их выхода.

Для характеристики постановки учебного дела в ГЗИ и интересов, которыми жили многие преподаватели и студенты, а также для выяснения того порядка, по которому отбирался материал для «Записок», представляет большой интерес статья «Об улучшении белорусского хозяйства» одного из окончивших ГЗИ, предназначавшаяся им для 4-й книжки «Записок». Автор статьи А. Нат, сын корабельного торговца, обучался в 3-ей Петербургской гимназии, где находились по преимуществу разночинцы. По окончании ГЗИ в 1853 г. он был назначен МГИ в Курляндию для изучения дренажа, откуда и направил в октябре 1854 г. названную статью непосредственно в МГИ, где печатались «Записки»

[2; 1849, № 5]. Ученый комитет МГИ переслал ее для предварительного отзыва своему члену-корреспонденту Война-Куриному, который был директором ГЗИ во все годы выхода «Записок». Отзыв на статью для помещения ее в «Записках» должен был дать, согласно Положению, Сосского хозяйства» и отзыв Совета института на статью [1; № 6114; об издании 4-й книжки «Записок ГЗИ»].

Во вступлении Нат рассказывает, почему он заинтересовался состоянием белорусского хозяйства и именно крестьянского, а не помещичьего.

«Во время моего воспитания в Горыгорецком земледельческом институте часто был предлагаем вопрос «об улучшении белорусского хозяйства», подобного содержания статьи часто разбирались на наших хозяйственных беседах, но все предлагаемые способы улучшения быта памятных крестьян едва ли могли быть выполнены, ибо введению 4 или 5-польных хозяйств с клевером и картофелем, притом более тщательному и своевременному отработыванию пахоты, препятствовали застарелые обычаи, привычная небрежность и лень.

Я начал следить за этим предметом, ибо был убежден, что подобный вопрос мог быть разрешен. С этой целью я неоднократно пускался в разговоры с крестьянами на гульбищах и ярмарках в такое время и при таких обстоятельствах, которые должны были иметь влияние на домашний быт поселян. Частые разъезды по деревням рано весной и осенью мне открыли большие недостатки в их хозяйствах.

Пребывание при Могилевской палате государственных имуществ доставило мне случай еще ближе познакомиться с управлением казенными крестьянами Могилевской губ. и со многими учреждениями министерства, которые клонились к увеличению благосостояния крестьян, но, несмотря на все благодеяния правительства, с прискорбием нужно сознаться, что хозяйство крестьян Могилевской губ. находится еще в весьма жалком положении.

Со скромностью я прошу снисходительность читателей; может быть, неопытность меня увлекает, приняв на себя столь трудную задачу — но с другой стороны, я считаю святейшею обязанностью при помощи приобретенных познаний в институте и из благодарности к начальству за мое воспитание сообщить ему то, что я успел сделать, возложив на себя задачу об улучшении хозяйства и быта казенных крестьян Могилевской губ.

При изстоящем моем пребывании в Курляндии, согласно предписанию департамента сельского хозяйства, для изучения осушения и возделывания болот я имел случай также познакомиться с хозяйством крестьян этой губернии и был немало удивлен, найдя его на такой высокой степени совершенства в сравнении с хозяйством белорусских крестьян, хотя первые в общей сложности ничуть не имели лучшие пашни; тут трудолюбие и некоторые местные учреждения возвысили казенных крестьян до благосостояния. Здесь я был убежден в моем предположении, что хорошее содержание скота при достаточном числе, изобилие корма и ограничение в устройстве конопляников может только улучшить хозяйство белорусских крестьян и тем возвысить их благосостояние.

Этим я высказал главное содержание этой статьи; верно, читатель не предполагает узнать от меня что-либо нового, но я прошу все прочесть вперед и потом судить. Наградой за мой труд будет благосклонная и снисходительная критика». Хозяйство белорусских крестьян Нат находит в крайнем упадке.

«Жалкие, истощенные пашни белорусских крестьян невольно бросаются в глаза каждому посетителю этого края. Нищета, голод, различные болезни между людьми и скотом овладевают целыми деревнями. Крестьяне едят хлеб из ржи и мякины, скот проводит зиму в беспрестанной борьбе с голодом и влачит жизнь, обвевши уже соломенные крыши своих хозяев, кое-как до первой весны.

На Горькой слободской весенней ярмарке в течение 4 лет я всегда встречал крестьян, которые от недостатка корма продавали своих коров, овец и даже лошадей за ничтожные цены, покупали дорогою платою хлеб и семена, а пользу извлекали одни расчетливые евреи. Тут нужно приступить к распашке полей, но не только люди слабосильны, но и скот еще до того изнурен, что он только лежать может собирать около себя вялую траву, оставшуюся от прошедшей осени на пастбищах. Неоднократно встречая весной слабых лошадей и коров с облезлою шерстью и различными кожными болезнями, крестьяне при моем изумлении указывали на недостаток в корме и говорили, что то еще хорошо, коль скотину выгнать можно, то бывает, что и на носилках вынашиваем и представляем воле

божьей, авось поправится. Но пока такой проголодавшийся скот придет несколько в силу, какая потеря времени, какую можно сделать обработку полей, посевы опаздывают, а к жатве выпадает нередко снег, наступают морозы и даже последнее, что запущенная земля могла еще уродить, пропадает, бедность же год от году все не прекращается.»

Война-Куринский отклонил печатание статьи Ната в «Записках», как не представляющей интереса для улучшения хозяйства белорусских крестьян, и в то же время счел необходимым высказать Ученому комитету свои соображения, свой взгляд по затронутому Натом вопросу. Он писал:

«Имея в виду действительно скорбное положение домашнего быта помещичьих крестьян и государственных поселен Могилевской и Витебской губ., я ежегодно предлагаю на агрономических наших беседах вопросы, касающиеся этого предмета, и независимо от того агроному последнего выпуска Дмитриеву дана была тема о быте белорусского крестьянина, его потребностях и средствах, бывших на рассмотрении департамента сельского хозяйства; но чтобы написать замечательную статью об улучшении белорусского хозяйства, требуется не только долговременный опыт, тщательное изучение всех условий, окружающих нравственную и материальную сторону края, но и знание всех правительственных мер и забот, исключительно посвященных этому нищенскому краю, чего в статье вовсе нет. Поверхностный его взгляд на бедных поселен далеко еще не высказывает многого из их грустного положения, а предполагаемые Натом административные меры относительно государственных поселений по возможности используются, хотя и безуспешно.

Каждому сколько-нибудь знакомому с хозяйством крестьянину Могилевской и Витебской губ. известно, что бедственное положение их происходит главным образом от упадка скотоводства, истощения оттого пахотных земель, повсеместного пьянства, начинающегося с молодых уже лет между мужчинами и женщинами, усиленный посев конопли и совершенное отсутствие промышленности.

Дабы статья об улучшении белорусского хозяйства могла иметь назидательный интерес, нужно рассмотреть причины упадка хозяйственного подробно, приложить средства к устранению губительных причин и дать совет исправить последовательно нравственный и материальный упадок хозяев и хозяйств. Но эту задачу едва ли можно удовлетворительно разрешить в настоящее время тем более, что для решительного кризиса в белорусском крае требуются коренные изменения в некоторых правительственных постановлениях, временные утраты владельцев имениями и подобные условия, на которые нелегко согласить общее сочувствие частных лиц, имеющих в виду собственную, отдельную пользу, хотя бы она, видимо, совпадала с общим бедствием края».

Содержание статьи Ната, предназначавшейся для «Записок» и отзыва о ней Война-Куринского в декабре 1854 года от имени Совета ГЗИ указывает прежде всего на связь обучения в ГЗИ с жизнью, на изучение в ГЗИ крестьянского хозяйства, в окружении которого находился ГЗИ и которое, несмотря на запретительные циркуляры, не могло не привлечь внимания учащихся и преподавателей сельскохозяйственного учебного заведения. Связь обучения с окружающей жизнью проявлялась в сельскохозяйственных беседах, установленных еще в высшем разряде и проводившихся в ГЗИ со студентами 3-го и 4-го курсов еженедельно (см. уч. план). Во время бесед разбирались студенческие сочинения, журнальные сельскохозяйственные статьи, отчеты по учебной ферме, опыты при ГЗИ, предложения по улучшению сельского хозяйства и т. п. И Нат, и Война-Куринский отмечали значительную роль сельскохозяйственных бесед в обучении. Война-Куринский писал, что ежегодно на беседах обсуждался вопрос о крестьянском хозяйстве и что на эту тему писались студенческие работы. Нат также утверждал, что на этих беседах часто разбирался вопрос об улучшении белорусского хозяйства и что под влиянием окружающей крестьянской обстановки и бесед у него, как и других студентов, пробудился интерес к самостоятельному, более близкому ознакомлению с крестьянской жизнью.

ЗАПИСКИ

ГОРЫГОРЕЦКОГО ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО

ИНСТИТУТА,

ИЗДАНИЯ ДЕПАРТАМЕНТОМЪ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА

МИНИСТЕРСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ.

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ МИНИСТЕРСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ.

1852.

Содержание рассмотренных документов раскрывает также антикрепостническую направленность ГЗИ. И юноша-студент, и директор, умудренный опытом и наблюдениями за жизнью крестьян при работе в МГИ, до назначения директором, единодушно оценили современное им крестьянское хозяйство как крайне бедственное, но находили разные пути улучшения этого хозяйства. Нат предлагал улучшить крестьянское хозяйство устройством крестьян по циркуляру 1843 года и ограничением посева конопли, истощающей почву. Война-Куринский, считая эти меры паллиативом, указывал, что для улучшения крестьянского хозяйства необходимо «коренное изменение» хозяйства, необходимо лишение «владельцев имениями», несмотря на их упорное сопротивление этому и предпочтение видеть «общее бедствие края», т. е. в сущности предлагал отменить крепостное право, что соответствовало антикрепостническому Положению ГЗИ и разделялось преподавателями ГЗИ.

После отзыва Война-Куринского статья Ната в «Записках» не была помещена. Встретила она возражение и со стороны цензуры, запрещавшей высказывать «в неумеренных выражениях сожаление о состоянии крепостных крестьян».

Цензурные правила 50-х годов, правительственные инструкции, запрещавшие доказывать необходимость перемен в отношениях между помещиком и крестьянами, печатание «Записок» в Петербурге через Ученый комитет МГИ — все это накладывало отпечаток на содержание «Записок».

В таблице 12 показано содержание всех шести книжек «Записок ГЗИ» по годам.

Содержание «Записок» по годам их выхода, представленное в таблице, показывает, что каждая книжка состояла из двух неравных отделов. Отчетный материал первого отдела занимал две трети всех шести книжек (73 печатных листа из всех 109 листов в 8 д. л.), а специальные статьи и речи второго отдела — одну треть. Большое место занято отчетами по учебной ферме и опытному полю (25 печатных листов), затем об агрономических путешествиях и сельскохозяйственных съездах.

Перевес отчетных материалов над специальными статьями вызывался желанием руководителей ГЗИ и Ученого комитета популяризировать учебно-хозяйственную сторону института, как первой высшей сельскохозяйственной школы, и малым количеством научных трудов из-за перегруженности преподавателей учебной работой, или, как говорилось в отчете за 1852/53 учебный год, из-за «ежедневно расширяющегося объема института, постоянно увеличивающегося числа учащихся и увеличения вместе с тем педагогических трудов» [92; 3 кн. 5—9]. Кроме того, по словам этого же отчета, «цель ГЗИ, как специального заведения, должна состоять не только в том, чтобы сокровищницу человеческих знаний обогащать новыми вкладами, сколько в том, чтобы из сокровищницы этой, содержащей в себе уже и без того огромный запас богатств действительных и мнимых, настоящих и поддельных, выбирать, проверять, очищать от негодного и устарелого как можно больше действительных умственных ценностей, для того чтобы пускать их в оборот практической жизни, через посредство воспитываемых в наших заведениях молодых поборников сельского хозяйства».

Приведенный отрывок из отчета показывает, что руководители и преподаватели ГЗИ, считая своей первоочередной задачей учебно-образовательную, вместе с тем признавали, что образовательную деятельность ГЗИ необходимо сочетать с научной: «сокровищницу человеческих зна-

ний обогащать новыми вкладами». Посильным вкладом в эту сокровищницу со стороны института в сущности являлись сами «Записки ГЗИ», что не раз отмечалось в отчетах.

Отчеты по ГЗИ, училищу, учебной ферме и о сельскохозяйственных съездах составлялись профессором Целлиным, управляющим фермой Михельсоном и его помощником Стебутом. Авторами же отдельных статей в «Записках» были адъюнкт-профессора: А. А. Больман, А. А. Гинцель, Ф. Н. Королев, В. И. Краузе, П. А. Раздольский, Э. Ф. Рого, А. В. Советов, И. А. Стебут и К. Д. Шмидт, управляющий фермой Б. А. Михельсон и его помощник (до Стебута) Г. Лудвигс, член Ученого комитета К. Веселовский, избранный в 1853 г. почетным членом Совета ГЗИ; агрономы, окончившие ГЗИ: Н. Афанасьев, Н. Капустин, И. Савинич и студент 4-го курса ГЗИ Буркевич.

В отчетах по ГЗИ и училищу имеются сведения о переменах в учебном деле, цифровые и именные данные об учащих, указания на учебно-воспитательные мероприятия и т. п.

Из разнообразного материала, содержащегося в отчетах, следует остановиться на так называемых конкурсных «задачах», которые по примеру университетов давались студентам для получения золотой медали и которые характеризуют состояние и направленность учебно-научной деятельности ГЗИ. На каждый учебный год Советом института давалась одна задача. Темы задач были следующие:

1. Возделывание тех растений, которые составляют главную цель земледелия, сопряжено, как известно, с значительным истощением земли. Спрашивается: какие средства русский земледелец может безубыточно употребить, чтоб почву вознаградить за истощение? (1850/51 учебный год).
2. Какими выгодами для хозяйства сопровождается травосеяние на полях? Какие по этой части сделаны улучшения в новейшее время? В каком виде и с помощью каких мер и средств травосеяние могло бы быть введено в наших русских хозяйствах? (1851/52 учебный год).
3. В чем заключаются преимущества и невыгоды трехпольного зернового хлебопашества сравнительно с плодосменной, переложною и выгонною системами полеводства? (1852/53 учебный год).
4. Какие действия и способы природы и человека увеличивают производительные силы почвы, а какие, наоборот, влекут за собою уменьшение этих сил и вместе с тем упадок плодородия на поверхности земного шара? (1853/54 учебный год).
5. Составить систематическую терминологию для определения качеств меринской шерсти с целью практического ее применения в овцеводстве и в торговле шерстью (1854/55 учебный год).
6. Составить порядок плодосменности для огорода с целью получить наибольшее количество овощей при сохранении плодородия почвы, определить примерно, какое количество овощей может быть получено при принятом севообороте на летнее употребление и в зимний запас и, наконец, вычислить валовой и чистый доход с принятого пространства огорода (1855/56 учебный год).
7. Разобрать критически разные способы выращивания телят (1856/57 учебный год).

Предложение задач сопровождалось небольшими пояснениями. Так, для выполнения 3-ей задачи следовало сопоставить переложную систему, когда земля оставляется на отдых на несколько (7—8) лет, и выгонную, когда земля в течение нескольких лет назначается попеременно или под пашню, или под пастбище, с трехпольной системой, представлявшей некоторые выгоды в условиях перехода к плодосменной системе. Данная тема соответствовала указанному выше основному требованию в ГЗИ знакомить студентов с разными системами хозяйства, с различными их выгодами и со способами перехода от одной системы к другой (§ 9 Положения).

В пояснении к 4-й задаче указывалось, что следовало объяснить «с агрономической точки зрения увеличение и уменьшение производительной силы почвы на основании химических, физических и физиологических данных». Практическая важность 5-й задачи подчеркивалась наличием терминологии по меринской шерсти у англичан, французов и немцев — овцеводов и торговцев шерстью, и необходимостью иметь такую же терминологию и для русских. Для выполнения 7-й задачи требовалось определить: а) способы выращивания телят для разных целей: на убой, на приплод и на замену выбывших; б) исчисление корма, требуемого для выращивания; в) положение хозяйства относительно местного потребления его продуктов и удовлетворения собственных нужд и г) сравнительные выгоды от достижения той или другой цели.

Золотые медали за решение 4-х первых задач получили по решению Совета института студенты последних курсов (в порядке задач) Д. Добровольский, И. Савинич, Ф. Садовский и А. Верещагин.

Названные темы задач с краткими пояснениями к ним показывают, что ГЗИ в этом важном учебно-научном мероприятии большее внимание уделял полеводству и меньшее — животноводству, по которому, кстати сказать, не было написано работ, оцененных золотой медалью. Основными проблемами задач были плодородие почвы и экономическая выгода того или иного предложения. Кроме того, в приведенных задачах преобладали конкретные, практические вопросы: плодородие почвы, травосеяние, овощные севообороты, выращивание телят, — что особенно выявляется при сопоставлении данных задач со слишком широкой агрономической задачей, предложенной профессором Усовым в Петербургском университете в 1856/57 учебном году: «Описать успехи учения о плодосменности в изложении ее теории Тэером в 1809 году до нынешнего времени и показать на основании новейших исследований, какие породы растений из разводимых на пашне и по какой причине с наибольшею выгодой могут следовать в посевах одна за другой» [44-ж; прилож. IV]. Данная задача в Петербургском университете была единственной задачей по агрономии за 30-летие (1837—1877) среди большого количества задач по ботанике, математике, истории и другим предметам. Да и на эту единственную агрономическую задачу сочинений от студентов не последовало, тогда как в этом же университете на другие задачи ежегодно бывало по несколько студенческих сочинений, награждавшихся или золотой или серебряной медалью (в ГЗИ была установлена только золотая медаль).

О характере студенческих работ, отмеченных Советом ГЗИ золотой медалью, можно судить по следующему краткому содержанию сочинения Арсения Верещагина [2; № 29, 1854] о действиях природы и человека, увеличивающих и ослабляющих плодородие (тема 4). Это сочинение, занимающее 140 страниц рукописи, состоит в перечислении тех факторов, от которых зависит плодородие и в объяснении этой зависимости: сначала от действий самой природы (экономия природы и законы, по которым природа постоянно стремится к совершенствованию), а затем от произвола человека (ирригация, прудовое хозяйство, обработка почвы, удобрение по его разрядам, теория севооборотов и др.). В начале сочинения Верещагин сознается, что решение вопроса в полном объеме для него затруднительно и даже невозможно, и поэтому останавливается на более известных ему явлениях и учениях. Говоря о действиях природы, он приводит следующее положение из Шеллинга: «Природа для вдохновенного испытателя есть священная, вечно создающая пер-

вобытная сила мира, порождающая из самой себя все вещи и возводящая их до самостоятельности». Этим Верещагин как бы обращается к натурфилософии Шеллинга. Заканчивает свое сочинение Верещагин рассуждением о том, что хотя человек уже многого достиг в преобразовании природы, но чтобы «возвести природу на высшую степень плодородия, наивыгоднейшим образом располагать ее силами на пользу развивающегося человечества, будущий человек долго еще должен будет ходить в школу природы и изучать тайны, начертанные на современных ее скрижалях». В конце автор приводит изречение римского поэта Вергилия: *tentare pop noscet, et labor improbus omnia vincit* (исследование не вредит, и смелый труд все преодолет). Это изречение он считает своим «постоянным спутником» в трудах и ученых занятиях.

Отметив в сочинении Верещагина как недостатки (не вполне удовлетворительное изложение отделов об удобрении и плодосмене, излишние подробности и выноски), так и достоинства (отчетливое изложение предмета, любознательность, прилежание, порыв, свойственный молодым людям, высказать свою начитанность), Совет ГЗИ нашел «справедливым поощрить молодого сочинителя» и назначил ему золотую медаль.

При оценке других сочинений золотой медалью Совет ГЗИ также отмечал их практическое значение. Так в отзыве на работу по системам полеводства (3) Совет ГЗИ находил, что сочинение «представляет весьма отрадный факт практического понимания отечественных сельскохозяйственных отношений» [92; кн. 4, 16—18].

По окончании ГЗИ в 1854 г. Верещагин занялся агрономической деятельностью в Смоленской губ.: был секретарем Смоленского общества сельского хозяйства, открытого в 1857 г. в присутствии Целлинского как представителя от ГЗИ.

Приведенные темы работ, предназначавшиеся к высшей награде, привлекали внимание не только студентов ГЗИ. А. В. Советов, приступивший по окончании ГЗИ к педагогической деятельности в первой половине 50-х годов, несомненно, избрал темы своих диссертаций (магистерской—о разведении кормовых трав и докторской—о системах земледелия) под влиянием названных 2-й и 3-й задач о травосеянии и системах полеводства, чему значительное внимание уделял и Целлинский в лекциях и агрономических беседах.

Для поощрения учащихся ГЗИ и ГЗУ к учебным занятиям в актовом зале ГЗИ в 1852 г. были прикреплены к стене две доски почета: одна—из белого мрамора, на которой выгравировывалась золотыми буквами фамилия одного из отличников, окончившего ГЗИ в данном учебном году, а вторая—медная для таких же питомцев училища. В 50-е годы на мраморной доске были записаны Скворцов, Дырдо, Псиол и др., а на медной—Глушецкий, Шутович, Любимов и др., которые по окончании учения проявили себя на рядовой работе по сельскому хозяйству.

На медную доску не разрешалось записывать тех из отличников, окончивших ГЗУ, которые происходили из помещичьих крепостных. Это запрещение вытекало из того бесправного положения, в котором находились помещичьи крепостные, обучавшиеся в земледельческом училище. Как указывалось, дети крепостных могли поступить в ГЗУ только с особого разрешения помещика, владевшего юношей. При окончании училища крепостной, хотя и держал выпускные экзамены вместе со всеми товарищами, но не получал никаких прав и аттестата, выдававшегося институтом его товарищам «свободного», не крепостного состояния, и возвращался в распоряжение своего помещика. Так, например, в 1854 г.

два окончивших ГЗУ крепостных Применко и Гавриленко не были включены в список со всеми товарищами, окончившими ГЗУ с правами, и возвращены их владельцам. [92; кн. 4, 19]. А так как медная доска с выгравированной на ней фамилией окончившего ГЗУ с указанием года окончания, также являлась своего рода документом об окончании училища, то ученики из помещичьих крепостных лишены были права быть занесенными на доску. В 1855 году сын крепостного Евдокименко, окончивший ГЗУ, не был записан на доску, хотя по отличной успеваемости имел право на это.

Хотя описанное бесправие учеников из крепостных в училище было в интересах помещика, которому гарантировалось возвращение крепостного, подготовленного для ведения его хозяйства, все же трудно было ожидать от возвратившегося бесправного управителя деятельности на пользу помещика, в особенности после ознакомления в ГЗУ с различными системами земледелия и общей антикрепостнической направленностью ГЗИ.

Из помещичьих крестьян в ГЗУ было в каждом классе 1—2 ученика до 1859 г., когда право помещика над учеником, его крепостным, было упразднено.

Кроме присуждения золотой медали за лучшее сочинение в году и занесения на доску за отличные успехи, присуждалась при окончании ГЗИ еще и серебряная медаль за успеваемость. Среди награжденных серебряной медалью были И. А. Стебут (в 1854 г.) и Е. Фальков (в 1856 г.). Е. Фальков был затем профессором Казанского университета. Учащиеся ГЗИ и ГЗУ награждались ежегодно и техническими книгами. Студенты ГЗИ получали в награду сочинения Тэера, ученики ГЗУ—готовальни, сочинения адъюнкт-профессоров ГЗИ: Шмидта—по химии, Рего — по садоводству и огородничеству, Ходецкого — по уходу за рогатым скотом и др.

Отчеты о состоянии и действиях Горыгорецкой учебной фермы, помещенные в «Записках», были составлены, как отчеты хозяйственные, по календарным годам на 1 января, а не по учебным, как отчеты по ГЗИ и училищу, и выпуск учеников фермы бывал в конце декабря. Отчеты ферм состоят из 3 частей: учебной, хозяйственной и опытной.

В учебной части фермских отчетов называются теоретические и практические занятия учеников, количество, успеваемость и направление на работу после окончания 4 классов. В виде поощрения одного-двух из окончивших переводили на учение в ГЗУ, некоторых награждали похвальными грамотами, книгами, деньгами, небольшими земледельческими орудиями, мелким скотом, полевыми и огородными семенами. Окончившие, среди которых преобладали дети государственных крестьян, направлялись на родину или же на работу в различные вспомогательные учреждения при ГЗИ.

В хозяйственной части фермских отчетов описывались работы на всех участках хозяйства, расположенного в 50-е годы на 1098 десятинах трех фольварков: Горыгорецкого, Ивановского и Пупловского. Все более крупные работы на поле и по уходу за скотом велись, как и на других семи фермах, имевшихся в то время в России, по планам, утвержденным Ученым комитетом МГИ. Обработка земель, уход за скотом, работа в саду и мастерских производились в основном учащимися фермы с оплатой 10 коп. в день и 25 коп. при работе с лошадей. В некоторых работах участвовали студенты ГЗИ и ученики училища; привлекались также к работам годовые и поденные сельскохозяйственные рабочие, получав-

шне в среднем 14—15 коп. в день. Хозяйственный отчет составлялся по следующему плану: а) полеводство—общий обзор, севообороты, состояние погоды, способы возделывания и удобрения, посев, уборка урожая, доход от полеводства; б) луговодство—самородные и искусственные луга, выгоны; в) огородничество; г) скотоводство—рабочий скот, рогатый скот, овцы, свиньи, пчеловодство, скотоврачевание; д) хранение произведений сельского хозяйства; е) мастерские и ж) домостроительство.

К отчету приложены общие ведомости о состоянии полеводства и скотоводства. Так, например, в хозяйственном отчете за 1853 г. отмечается, что в Горках был 8-польный, а в Иваново и Пуплах 12-польные севообороты. Кроме того, в Иваново с учебной целью были устроены еще три севооборота: 3-польный (рожь, овес, пар), 4-польный (пар, рожь, клевер и картофель, овес) и 5-польный (пар, рожь, клевер и картофель, ячмень, овес и гречиха, овес и выгон). Урожай при этих трех севооборотах на полуудобренной почве был ржи сам 4, овса, ячменя и гречихи—3, картофеля—2. Руководители фермского полеводства—Михельсон и Целлинский — считали, что эти севообороты «могут служить примером для малых, преимущественно крестьянских хозяйств, при средних, не слишком истощенных почвах», но что при здешних слабых землях нельзя получить хороший урожай без удобрения [92; к. 4, 34]. После рассмотрения фермского скотоводства, разных иноземных и местных пород, имевшихся на ферме, в отчете делается вывод, что «местная порода может быть значительно улучшена в самой себе» и она более выгодна, чем иностранные породы, приобретение которых обходится дорого и не всякому доступно. Устройство севооборотов, применимых в крестьянском хозяйстве, и забота о местных породах скота свидетельствует, что в ГЗИ принимались меры к тому, чтобы дать пример улучшения крестьянского хозяйства.

В опытной части фермских отчетов, помещенных в «Записках», дается описание сельскохозяйственных опытов, ставившихся в ГЗИ в 50-е годы. В эти годы, как и предшествующее десятилетие, опыты ставились главным образом над удобрениями и акклиматизацией новых растений. Как пример далее приводится описание опытов с минеральным удобрением под клевер, с яровой пшеницей и картофелем.

В 1850 году был повторен опыт, устраивавшийся и в предыдущие годы, с испытанием действия алебаstra (вид извести) и серной кислоты на прорастание клевера на трех равных десятинах.

Расчет прихода и расхода с этих трех десятин можно представить в следующей таблице:

Таблица 13

Опыт в ГЗИ по применению минеральных удобрений под клевер в 1850 г.

Десятины удобрены	Собрано сена		Выручено от удобрения		Израсходовано на удобрение	Разница между расходом и выручкой
	пудов	ценой	пудов	ценой		
20 пудами алебаstra	274	22 руб.	69	5,5 руб.	10 руб.	4,5 руб.
30 фунтами серной кислоты и 8-ю четвериками золы	243	19,5 .	38	3 .	5,3 .	2,3 .
Десятина не удобрена	205	16,4 .	—	—	—	—

Примечание. Пуд алебаstra стоил 50 коп., фунт серной кислоты—7 коп., четверик золы—40 коп., пуд сена—8 коп. [92; кн. 1, 50].

Отчет по опыту хотя и отмечал нерентабельность минеральных удобрений под клевер (в данном случае перерасход в 6,8 руб.), но в то же время, видя от удобрения значительный прирост в урожае, намечал подобные опыты и в дальнейшем.

Опыт над возделыванием разных сортов яровой пшеницы (белой и красной, остистой и безостной, полбы и др.) описывается следующим образом [92; кн. 1, 80].

«Вся десятина выборнована весною сего (1850) года, двена (т. е. дважды запахана, вдоль и поперек), вслед затем и засеяна под борону разными в таблице показанными семенами (табеля приложен) 4-го мая. Всходы, показавшиеся с 8 по 10 день по посеву, были довольно хороши, но, спустя недели три, зелень начала желтеть, и все виды пшеницы выколосились очень редко. Главными причинами сего неуспеха были жара и сухость мая месяца, которые, можно сказать, сожгли молодые растения, вообще чувствительные ко всякому необыкновенному влиянию атмосферы. Немного ослабленные от таких причин растения отцвели благополучно, но когда началась завязка зерна, то на всех видах пшеницы, за исключением полбы и эммера, появилась головня, которая истребила много колосов и испортила уцелевшее зерно. Вот обстоятельства, которым должно приписать неуспех разведения яровых пшениц в этом году. Если сравнить эти факты с полученными при заведении (института) в прежние годы, то должно признаться, что яровые пшеницы следует причислить к весьма мало благонадежным полевым растениям здешней местности, подвергающимся разным неудачам, а более всего перерождению и головне».

На безуспешное культивирование яровой пшеницы указывали не только опыты прежних лет. Последующие опыты привели также к заключению, что белая и красная полба, эммер и в особенности ярица—мало надежные растения для здешнего края («Записки», IV, 80). Но в то же время отчет предлагал продолжать эти опыты в других местах средней полосы России, чтобы прийти в окончательному выводу путем накопления возможно большого количества фактов, что было одной из главных задач сельскохозяйственного опытного дела середины XIX века.

Описанный опыт с яровой пшеницей дает представление о методике опытов, проводившихся в ГЗИ. На заре сельскохозяйственного опытного дела, когда единственный опытной лабораторией было поле, а не кабинетные, лабораторные и вегетационные исследования со специальными агрохимическими приборами, эта методика была довольно элементарна и механична: учитывался только один фактор, игнорировались сопутствующие факторы (почва, уход за посевом, качество семян и др.). Влияние действующего фактора отмечалось в широких понятиях: жара, сухость и т. п., а учет давался только по количеству, а не по качеству.

Проводились опыты и по борьбе с болезнями картофеля. Проверилось, например, предложение профессора Петербургского университета Усова [95; 1852, № 7] испытывать недоброкачественность посевного картофеля, опуская его перед посевом в рассол (15 фунтов соли на 5 ведер). Картофель, всплывавший в рассоле наверх, засеивался отдельно от картофеля, тонущего в рассоле, а затем и тот и другой картофель при уборке сопоставлялся с картофелем, не подвергавшимся действию рассола. Трехлетние испытания не подтвердили предложения Усова, и опыты были прекращены.

Проводились опыты и над скотом. Так, под впечатлением громких похвал, с которыми отзывались журналы Северо-Американских штатов о кастрации коровы с целью получения от нее большего удоя и лучшего молока, в 1852 и 1853 годах были кастрированы под наблюдением директора Дерптского ветеринарного училища Иссена две коровы. Эти

операции себя не оправдали: кастрированные коровы уменьшили удой и ухудшили качество молока. В отчете сделан вывод: кастрация коров «в нашем отечестве не заслуживает подражания» [92; кн. 4, 97].

В «Записках» приведено 5 отчетов об агрономических путешествиях, которые, как указывалось выше, устраивались сначала в высшем разряде ГЗШ, а затем в ГЗИ ежегодно под руководством преподавателя при участии 5—6 студентов. В высшем разряде и в ГЗИ всего было проведено 17 следующих агропутешествий.

Таблица 14

Места и руководители агрономических путешествий, предпринимавшихся в высшем разряде ГЗШ и в ГЗИ (описанные в «Записках» подчеркнуты)

№ п.п.	Годы	Губернии, в которые совершалось путешествие	Руководитель
1	1844	Могилевская и Витебская	Целлинский
2	1845	Могилевская и Минская	Кнюпфер
3	1846	Смоленская	Кнюпфер
4	1849	Украинские (Киевская, Черниговская и др.)	Целлинский
5	1850	Могилевская и украинские	Краузе
6	1851	Центральные (Московская, Смоленская и др.)	Рего
7	1851	Киевская и Полтавская	Кнюпфер
8	1852	Смоленская и Калужская	Михельсон
9	1853	Могилевская и украинские	Рего
10	1854	Витебская и Прибалтика	Кнюпфер
11	1855	Псковская и Прибалтика	Краузе
12	1856	Минская, Виленская, Ковенская и ц. Польское	Жебенко
13	1857	Могилевская	Стебут
14	1858	Смоленская, Калужская, Орловская, Черниговская	Гинцель
15	1860	Петербург, выставка Вольного экономического общества	Целлинский Козловский Жебенко
16	1861	Могилевская (Оршанский уезд)	Стебут
17	1862	Могилевская, Минская, Виленская и др.	Козловский

Как видно из приведенного перечня мест, в которые совершались агропутешествия, обучение в ГЗИ было направлено на непосредственное ознакомление с сельскохозяйственными условиями в различных местах тогдашней России: центральных, украинских, белорусских губерниях, Прибалтике. При этом значительное внимание отводилось хозяйству Могилевской губ., окружавшему ГЗИ, что особенно проявилось в путешествиях под руководством Стебута. Приведенный перечень показывает также, что руководство агропутешествиями с конца 50-х годов перешло к новому поколению преподавателей, выращенных самим институтом: Стебут, Жебенко, Козловский.

Отчеты об агропутешествиях, помещенные в «Записках», содержат в себе описание некоторых сельскохозяйственных особенностей той или иной местности.

Из отчета о путешествии 1850 г., составленного Краузе, приведено извлечение, дающее статистическое описание Черниговской губернии: ее почвы, полеводства, скотоводства, луговодства и т. д. В полеводстве Черниговской губернии преобладала трехпольная система, сопровождавшаяся повсеместной чересполосицей: «Имение даже не очень достаточного помещика раскинуто на 20,30, 40 и более верст, и в этом огромном пространстве только небольшие участки земли принадлежат одному владельцу. Среди его участков находятся бесчисленные участки земли, принадлежащие другим лицам, часто так называемым мелким помещикам, или казакам, или государственным крестьянам. Карты таких имений похожи на регулярное решето, где отверстия означают участки чужих земель, а нитки—участки имения одного помещика... Впрочем ныне многие стремятся округлять свои поля и этим сколько-нибудь уменьшить чересполосность, прямо вредящую рациональному пользованию землями». Находя выход из чересполосицы в округлении владений помещиками, Краузе осуждает крестьян за их беспечность и лень: «Советовать крестьянам улучшить их луга и предоставить улучшение заботливости и радению крестьян-малороссов — дело совершенно излишнее, потому что беспечность их, особенно когда дело идет об улучшении хозяйства и, еще более, если это сопряжено с трудами и издержками, неимоверна». В действительности же советы Краузе, отвергались крестьянами-украинцами не из-за их беспечности, а из-за того, что они усматривали в этих советах скрытую выгоду помещика. Внимание Краузе во время путешествия больше было привлечено помещичьими усадьбами: садом Паскевича в Гомеле, скотоводством у черниговского помещика Барковского и др.

При описании второго путешествия (1855) Краузе подробно остановился на статистических данных Псковской губ., которые он собирал через Псковскую палату государственных имуществ и агронома Залесского, окончившего ГЗИ и преподававшего агрономию в Псковской духовной семинарии. В качестве примера «округление полей», которое Краузе считал выходом из вредной чересполосицы в Черниговской губ., в этом описании он останавливается на образцовой усадьбе Подгорелке, принадлежавшей окончившему Горыгорецкую учебную ферму крестьянину М. Савельеву и расположенной на 50 десятинах в 24 верстах от Пскова по Динабургскому шоссе. Усадьба в 1854 г. давала доход от продажи хлеба, огородных и молочных продуктов до 100 руб. «По словам Савельева, соседи вначале насмешливо глядели на своего «ученого» собрата, а ныне же,—пишет Краузе,—приходят к нему за советом». Рядом с этим примером Краузе называет и другого крестьянина (Христанова), также окончившего Горыгорецкую учебную ферму, но безземельного и поступившего к помещице Ногиной приказчиком за 70 руб. в год (годовой поденщик у этой помещицы получал 25 руб.). В описании упоминаются имение директора ГЗИ Война-Куринского и великолуцкий аптекарь А. Стебут (отец профессора И. Стебута) как человек, проявлявший большую заботу о крестьянах.

Две экскурсии, проведенные Рего в 1851 и 1853 гг., сопровождались изучением садоводства в центральных губерниях (Московской, Смоленской, Курской, Орловской, Владимирской, Нижегородской, Пензенской, Тамбовской, Рязанской, Тульской и Калужской), на Украине (Черниговской, Бессарабской, Херсонской, Таврической, Екатеринославской, Полтавской). Отчеты по этим путешествиям описывают садоводство общими

чертами: в Тамбовской губернии садоводство мало развито, Рязань усеяна садами и т. п.

Несколько подробнее останавливается Рего на описании Москвы, перечисляя выдающиеся сады: Нескучный сад — красивейший и лучший сад в Москве с 800 сортами георгинов; сад на М. Дмитровке И. Сафонова — бывшего вице-президента общества любителей садоводства; садовые заведения Красноглазова, Финтельмана и др. Посетив Московскую земледельческую школу, Рего отмечает ее пришкольный участок, где, между прочим, разводилась чермушка — вид люцерны, полученной из Персии, переносившей суровую зиму и трижды скашиваемой. При посещении Киевской губ. Рего описывает древесный питомник и ботанический сад Киевского университета, сад в Умани и др. Проезжая через Могилевскую губ. Рего замечает, что в ней садоводством занимаются только помещики, «у крестьян же садов почти вовсе нет; только в некоторых деревнях Оршанского и Могилевского уездов встречаются вишни и сливы, растущие почти дико и кустообразно». В то же время Рего отмечает влияние ГЗИ на крестьян, покупавших садовые прививки в институтском питомнике и начинавших закладывать у себя сады.

Слабое развитие плодоводства в южных губерниях Рего объясняет недостатком лесов и сухостью климата и в выводах указывает на необходимость облесения степных губерний: «Первоначально разведение лесов производить в балках, а потом и в гористых местах; надо выбирать и деревья с горизонтальными корнями, свойственными южному климату».

Михельсон, описывая свое агрономическое путешествие по Смоленской и Калужской губ. в 1852 году, рассказывает об экономическом положении крестьян и помещиков этих губерний. Крестьян он делит по роду занятий на три разряда, основываясь на близости или отдаленности от промышленного московского центра: 1) крестьян восточных уездов, ближайших к Москве; эти крестьяне устраивались главным образом на фабриках и сельскому хозяйству уделяли мало времени, возвращаясь, например, в деревню во время сенокоса на 3—4 недели; 2) крестьян средних уездов, занятых главным образом перевозкой зерна и других продуктов с оплатой 0,5 коп. за перевозку пуда на 10 верст и 3) крестьян западных уездов, близких к Белоруссии, занимавшихся хлебопашеством; земли у этих крестьян, по словам Михельсона, совершенно выпажаны, так как крестьяне пользуются старинным правилом: «сеять, да не удобрять». Сопоставив эти три группы крестьян, Михельсон делает вывод, что «лучший быт крестьян возрастает в направлении от запада на восток, с постепенным развитием их промышленности». Бедность крестьян Михельсон объясняет малой плодородностью земли, малоземельем, падежом скота, неурожаем. Выход из бедности, по его мнению, в развитии промышленности и в занятии крестьян отхожими промыслами. «Нетрудно хорошему мастеровому, — пишет Михельсон, — заработать в год от 40 до 70 рублей и тем приобретать деньги не только для уплаты податей и оброков, но и для покрытия домашних расходов для улучшения своих хозяйств».

Примерными именами Михельсон считает имения с сельскохозяйственной промышленностью: имение помещика Ланского из Мало-Ярославского уезда, получавшего в год с имения до 6 тыс. рублей от производства патоки из картофеля, и имения помещиков Вонлярлярского и Лобанова Смоленского уезда, получавших до 2 тыс. рублей от сыроварен, сдававшихся на откуп «сведущим швейцарцам, в коих, — пишет

Михельсон, — нет недостатка». Эти «сведущие» мастера скупали у крестьян в имении молоко по 20 коп. за ведро (около 12,3 литров) выработывали из 5—6 ведер молока пуд сыра стоимостью 6—7 рублей; всего же выработывали до 500 пудов сыра, сбывавшегося в Москву и Смоленск. Примерно половину выручки получал помещик, заботившийся об увеличении удойности коров, которая в то время обычно была равна в год 33 ведрам (400 литров) и нередко доходила до 75 ведер (920 литров).

Михельсону принадлежит также описание путешествия по Бельгии [92; кн. 4]. Это был отчет о заграничной поездке, проведенной Михельсоном в 1853 г. по поручению МГИ в Германию, Австро-Венгрию и Бельгию с целью ознакомления с зарубежным скотоводством и закупки рогатого скота и овец для Горьгорецкой фермы. Одновременно с Михельсоном за границу в двухлетнюю командировку отправился А. В. Советов, готовившийся к профессорской деятельности.

Для «Записок» Михельсон выбрал описание Бельгии, так как, по его словам, «на всем европейском материке нет страны, более заслуживающей нашего внимания в сельскохозяйственном отношении, как Бельгия», тогда как в Германии и Австро-Венгрии наблюдается «народная бедность» и тысячи людей переселяются в Америку «по неудовлетворительности средств к пропитанию и в надежде найти в новом свете более способов к безбедной жизни».

Описывая полеводство и скотоводство Бельгии, Михельсон не раз сопоставляет состояние этих отраслей сельского хозяйства в Бельгии и России и делает из сопоставления выводы.

Так, рассказав об удачном применении различных севооборотов в бельгийском полеводстве, Михельсон пишет, что севообороты, «к сожалению, еще мало применимы в средней полосе нашего отечества, где по истощенности почвы и дешевизне произведений необходимо думать о предварительном возвышении плодородия земли. Настоящее положение наших хозяйств при преобладающей трехпольной системе представляет мало утешительного; отовсюду слышны жалобы о постоянных неурожаях, происходящих от сильного изнурения наших полей. Все мы убеждены в необходимости коренного изменения настоящего порядка» [92; кн. 4, 166]. Последнее утверждение Михельсона, сделанное от имени руководителей и преподавателей ГЗИ («все мы убеждены») и одобренное Ученым комитетом МГИ, о необходимости коренного изменения хозяйственных порядков, несомненно, отражало подобные, приведенные выше, антикрепостнические взгляды Совета ГЗИ по поводу статьи Ната «Об улучшении белорусского хозяйства».

Не соглашаясь, что выход из хозяйственного кризиса могут дать при истощенной почве плодосмен и травосеяние, что предлагалось и на сельскохозяйственных беседах со студентами, Михельсон в качестве временной меры, улучшающей почву и подготавливающей ее к плодосмене, предлагал так называемый выгонный севооборот: пар, пшеница и рожь, ячмень, вика с овсом, овес с клевером и тимофеевкой и 5 участков под выгон — пастбища. В подтверждение эффективности подобного выгонного севооборота Михельсон ссылался на сельское хозяйство в восточной части Ютландии, которая была бедной страной, пока там существовали барщина и трехполье; после же уничтожения барщины и введения выгонных севооборотов там появились цветущие нивы.

Объяснив высокое качество бельгийского льна тщательной отделкой и обработкой различными специалистами: сортировщиками, ткачами, белильщиками и др., — Михельсон пишет: «Желательно, чтобы и мы,

подражая оборотливому бельгийцу, повысили добротность нашего товара». Для этого Михельсон предлагал организовать компании предпринимателей, которые скупали бы лен и обрабатывали его на специальных заводах и, таким образом, повысили добротность продукта, а вместе с тем вели борьбу с булынями, торгашами—спекулянтами льном.

В разделе о скотоводстве Михельсон сопоставляет крупный рогатый скот в Бельгии и России и высказывает положение о том, что «самый верный путь к усовершенствованию крупного рогатого скота есть улучшение туземной породы», а не привозной из другой страны и не скрещивание с иноземной породой.

Таковы некоторые данные об агропутешествиях, описанных в «Записках». Остальные агропутешествия или описаны в «Журнале МГИ» (в таблице под номерами 1—3, 7 и 10), или остались без отчетов [2; № 95—1856 г., № 54—1857 г., № 111—1860 г., № 205—1862 г.]. Непредставление руководителями отчетов вовремя и трудно учитываемая польза путешествий для учащихся — все это повлекло изменение в отчетности: с 1860 г. отчеты об агропутешествиях должны были представлять студенты.

Среди отчетного материала имеются также отчеты о сельскохозяйственных съездах, которые происходили ежегодно при ГЗИ с 1853 и по 1857 год. Из всех пяти съездов в «Записках» описаны первые четыре, происходивших с 1853 по 1856 год; пятый съезд не описан, так как «Записки» в этом году прекратились.

Сельскохозяйственные съезды при ГЗИ устраивались на основании § 16 Положения о ГЗИ и по особым правилам. Правила состояли из 24 параграфов, распределенных на 5 разделов: цель съездов, их состав, права и обязанности съездов, заседания, обязанности председателя и секретаря [92; кн. 2].

Сельскохозяйственные съезды «имели целью посредством совещаний и обмена мыслей между хозяевами споспешествовать развитию и улучшению сельского хозяйства и относящихся к нему отраслей промышленности в губерниях: Могилевской, Витебской, Смоленской, Минской и Гродненской» (§ 1). Членами съезда могли быть «все помещики и сельские хозяева» (§ 3). Под «сельскими хозяевами» подразумевались лица, не владевшие поместьями, но занимавшиеся сельским хозяйством по службе: агрономы, управляющие имениями, чиновники МГИ. Члены Совета ГЗИ, управляющий учебной фермой и управляющий Могилевской казенной палатой являлись непременными членами съездов. Председателем съездов, по правилам, был директор ГЗИ, секретарь избирался съездом.

Съезду представлялось право сношения с Ученым комитетом МГИ и различными экономическими обществами. Члены съездов должны были заботиться о сборе сведений по земледелию, скотоводству, лесоводству и изыскивать средства к распространению хозяйственных улучшений. Работа съезда должна была протекать в форме чтения членом съезда записки по сельскохозяйственному вопросу и ее обсуждения или в форме совещания по предметам сельского хозяйства.

Съезды приурочивались к торжественным актам ГЗИ по выпуску студентов и сопровождалась сельскохозяйственной выставкой и ярмаркой. Устройство какого-либо праздника или вечеринки в связи со съездом правилами запрещалось. «Если же, — говорилось в Правилах (§ 13), — некоторые из участников пожелают сделать добровольную складку для выписки книг, моделей..., то эта складка должна состоять

из личных пожертвований в частном виде, а отнюдь не «общее на всех раскладкою». Так предупреждалась возможность как-либо объединения, какой-либо организации среди участников съезда даже для такого невинного дела, как выписка книг.

Председателем съездов был директор Война-Куринский, кроме съезда 1855 г., на котором председательствовал Целлинский вследствие отсутствия директора. Секретарем на первых трех съездах был Гинцель, на четвертом и пятом—Жебенко.

Так как число участников съезда было незначительное, то членами съездов были зачислены не только члены Совета института, но 16 указанных выше преподавателей ГЗИ, а также 2 институтских надзирателя (Вильбоа и Сидоров).

Число приезжих на съезды было незначительное и непостоянное: на первом съезде — 25 человек, на остальных — 10—12 человек. Только два могилевских помещика Копыцкого уезда, в котором находился ГЗИ, А. Д. Менжинский и П. Н. Дьяков присутствовали—первый на всех съездах, второй—на трех. Из других приезжих 7 человек (Рагинский, Санковский, Цехановецкий И. и др.) побывали на двух съездах, а остальные посетили съезд по одному разу. Помещики Менжинский и Дьяков в отчете о съезде за 1855 г. характеризуются как «известные просвещенные ревнители сельского хозяйства в здешнем крае». Имение Менжинского подробно описал Целлинский в названном выше отчете об агрономическом путешествии в 1844 г. Приезжавшие помещики были в большинстве мелкопоместные, крупные могилевские помещики, как Дондуков-Корсаков и Паскевич, съезды игнорировали. На съездах присутствовали в основном помещики Могилевской губ., и из уездов, ближайших к ГЗИ: Копыцкого, Оршанского, Сенненского, Чериковского. Так, на съезде 1853 г. из 26 приезжих был 21 помещик из Могилевской губ., на остальных съездах из этой губернии было 6—8 человек, а из других—по 1—2 человека.

Малочисленность прибывавших на съезды беспокоила организаторов съездов. На съезде 1856 г. Война-Куринский объяснял это явление непониманием сельскими хозяевами пользы съездов. «Неужели, — говорил он, — польза съездов долго останется непонятой в нашей местности, где есть много замечательных хозяев?»

Незначительное число приезжих на сельскохозяйственный съезд 1856 г., кроме того, произошло из-за неуверенности помещиков в завтрашнем дне при явно пошатнувшейся крепостной системе после поражения России в Крымской войне. Малочисленность приезжих на предшествующих съездах вызывалась отчасти тем, что съезды проходили во время этой войны. Только первый съезд был до войны, и поэтому он оказался относительно многолюдным: 41 человек при 29 приезжих.

Уклонялись помещики от посещения съездов и из-за плохого транспорта. Местечко Горки было отрезано от имевшихся в то время шоссейных дорог, добираться до которых надо было проселками. Маслов, секретарь Московского общества сельского хозяйства, посетивший съезд в 1857 году, описывал мытарства, какие ему пришлось преодолеть, чтобы добраться до Горок и из них выехать: чтобы проехать 100 верст от Черикова, лежавшего на Московско-Бобруйском шоссе, до Горок потребовалось двое суток; а «если бы начальство института и смоленский губернский предводитель дворянства не оказали помощи, — пишет Маслов, — то из Горок не нашел бы лошадей для отъезда» [90—г]. Отсутствие хороших подъездных путей Маслов считал одним из главных недо-

статков ГЗИ, мешавшим не только хорошей организации сельскохозяйственных съездов, но и вообще развитию ГЗИ.

Кроме ближайших помещиков на сельскохозяйственных съездах бывали также лица, связанные с сельским хозяйством по работе и службе. Так, на съезде 1853 г. были 2 агронома, окончившие ГЗИ: Палимпсестоз и Дрелин и 2 управляющих именем Сумарокова из Гомельского уезда: Паульман и Фон-Штик; на съезде 1854 г. был директор департамента сельского хозяйства Левшин; на двух съездах был председатель Могилевской казенной палаты Т. Т. Глушановский и др.

Хотя число приезжавших на съезды было незначительно и состав их менялся, но, судя по отчетам, приезжавшие участвовали в сообщениях и обмене мнениями не меньше, чем институтские преподаватели.

Вопросы, обсуждавшиеся на сельскохозяйственных съездах, были из разных областей сельского хозяйства: полеводства, скотоводства, луговодства, экономики и др. На первом съезде 1853 г. рассматривались вопросы о дренаже, об удобрении, о снего- и дождезадержании, о посеве свекловицы, вместо конопли. Была принята программа дальнейших съездов из 19 следующих вопросов: время посева яровых, осенний подъём земли, трехполье и многополье, торф как удобрение, выгоды крестьян от конопли, борьба с болезнью картофеля, улучшение и увеличение рогатого скота, выручка от скотоводства, распространение тонкорунного овцеводства, способ определения удоилivosti коров, кормление телят, развитие промыслов для улучшения крестьянского быта, страхование от градобития, доход от сена и соломы и содержание скота, травосеяние.

На съездах наиболее активную деятельность проявлял профессор Целлинский. Он давал авторитетные и обстоятельные пояснения по отдельным вопросам и на открытии первого съезда в 1853 г. произнес программную речь, выделявшуюся своим содержанием среди других материалов, помещенных в «Записках» [92; кн. 3].

Оставаясь верным защите белорусского крестьянина, Целлинский центральной темой своей вступительной речи поставил крестьянина-белоруса. По мнению Целлинского, белорусское крестьянское хозяйство должно представлять не только «живейший и многосторонний интерес» для съезда, но и богатый материал для сельскохозяйственной науки. В подтверждение этой мысли Целлинский привел из сельскохозяйственной практики крестьян-белорусов примеры, свидетельствующие об их уме, сообразительности и находчивости.

Крестьяне-белорусы, рассказывал Целлинский, в своей практике давно уже пользуются отбором отдельных картофелин из-под не созревшего еще картофельного куста, не нарушая его дальнейшего роста, тогда как этот же прием, как открытие, рекомендуется в одном из последних номеров лучшего немецкого агрономического журнала; в поисках хлеба крестьяне отыскивали особый сорт вики, зерно которой не имеет горечи и заменяет боб и горох, которые крестьяне не могли разводить на истощенной почве; при удобрении почвы крестьяне, не довольствуясь действием сохи, навоз загребали в борозды руками; телят поили водой, заправленной, вместо муки, корой молодого вяза, а ягнят кормили весной липовыми сучьями, заготовленными летом; задолго до предложения Либихом минеральных удобрений, крестьяне употребляли для удобрения под коноплю золу, полученную от сжигания кострики и омеля (остатков) от конопли.

Приведя примеры ума и сметливости у крестьян и умолчав о каких-

либо примерах из помещичьей практики, которая ему была известна, Целлинский призывал присутствовавших на съезде, в особенности помещиков, отказаться от пренебрежительного отношения к крестьянину и решать сельскохозяйственные вопросы, помня об отсутствовавших на съезде крестьянах, как главных сельскохозяйственных тружениках.

В то же время приведенными примерами Целлинский обращал внимание съезда на безотрадное экономическое положение закрепощенного крестьянина, на его лишения, нужду, тяжелый труд. Ведь не из-за обильной жизни крестьянин и подкапывал картофель до его полного созревания, и кормил телят водой, заправленной корой, вместо муки, и разгребал руками навоз по бороздам и т. п. «Нужда,—говорил Целлинский в своей речи,—лучший учитель. В нуждах всякого рода, к сожалению, белорусский край никогда не имел недостатка».

В заключение своей речи, для того чтобы подчеркнуть важность сельскохозяйственного съезда практиков при учебно-научном учреждении, Целлинский сравнил сельскохозяйственную науку, от имени которой он говорил, с рекою. Он не совсем согласен с теми, которые сравнивают науку с горою, нахождение на которой расширяет перед человеком горизонт и понимание окружающего:

«Я, с молодых лет воспитанный для практического хозяйства, признаюсь, привык не любить гор: они хороши для романтических туристов и поэтов, а сельскому хозяйству не по сердцу. Поэтому я сравниваю науку сельского хозяйства с широкою рекою, несущою в себе живую, освежительную влагу. Ни одна река не выходит вдруг, во всем своем величии, но, едва заметная сначала, растет и увеличивается постепенно, при помощи тысячи ручьев и родников, дружно соединяющих и сливающих свои воды... Сила человеческого ума и человеческих знаний может принести надлежащую пользу только тогда, когда она сольется живым потоком с правильным течением человеческих нужд и потребностей».

Сравнением сельскохозяйственной науки с рекою, получающей воду как от собственных родников-ключей, олицетворяющих силу человеческих и народных знаний, так и от вливающих в нее ручьев и речек — нужд и потребностей отдельных хозяйств, Целлинский указывал, что сельскохозяйственная наука должна опираться на сельскохозяйственную практику и опыт и считаться с нуждами крестьянских хозяйств.

Приведя примеры агрономической сметливости, хозяйственной способности и трудолюбия крестьян и одновременно нарисовав картину их крайней нужды и тяжелого экономического положения, Целлинский в речи, обращенной к присутствовавшим на съезде помещикам, ни одним словом не обмолвился в защиту самих помещиков, не привел ни одного заслуживающего внимания примера из их сельскохозяйственной практики. В связи с этим нельзя не вспомнить, что мысли, аналогичные высказанным в речи, Целлинский развивал и в своем описании агропутешествия 1844 года (см. третью главу), где также защищал нравственные качества крестьянина, выступал против излишней опеки над ним со стороны помещика и показывал, что помещичье хозяйство с барщинным трудом не может быть примером для хозяйства крестьянского. Со-поставление этих двух выступлений Целлинского говорит о том, что крестьянское хозяйство было одной из главных сельскохозяйственных проблем, занимавших его, и что разрешение этой проблемы он находил в устройстве самостоятельного крестьянского хозяйства. Речь Целлинского, произнесенная на сельскохозяйственном съезде от имени ГЗИ в присутствии большинства преподавателей ГЗИ, показывала также, что самостоятельное крестьянское хозяйство было важной проблемой и для ГЗИ.

Призыв Целлинского к участникам съезда обратить внимание на крестьянское хозяйство не остался безрезультатным. На I-м съезде (1853) помещик Чудовский поднял вопрос: «полезно ли в Белорусском крае, преимущественно в северной части, возделывание свекловицы, вместо конопли, и какую существенную выгоду это может дать крестьянам?» При обсуждении помещики Дьяков и Рачинский указали на невыгодность разведения свекловицы, так как урожай ее при коротком белорусском лете ненадежен. Война-Куринский также отметил, что невыгодно разведение свеклы еще и потому, что производство из нее сахара для Белоруссии убыточно. В то же время названные участники съезда признавали, что разведение свекловицы, вместо конопли, может сэкономить навоз, так как конопля истощает землю больше, чем свекловица. Это положение подтвердил и Целлинский, но, вопреки мнению предыдущих, ссылаясь на опыт Тульской губернии, признавал выгоду для Белоруссии возделывания свекловицы даже при сборе 50 берковцев (500 пудов) с десятины, хотя по заявлению других участников съезда в Белоруссии урожай свекловицы доходил до 80 берковцев с десятины.

На втором съезде (1854) обсуждался вопрос об «улучшении и увеличении количества рогатого скота, преимущественно у крестьян». Некоторые указывали, что доход у крестьян от рогатого скота ничтожен и что важнее и полезнее в крестьянском хозяйстве лошадь. Далее указывалось, что упадок скотоводства вызывался прежде всего отсутствием корма, а помещик Менжинский отметил, что для крестьянского хозяйства из четырех душ для содержания по крайней мере трех лошадей и двух коров потребуется 400 пудов сена. В заключение пришли к выводу, выраженному Война-Куринским, что увеличение количества покосов и улучшение качества корма может поднять скотоводство у крестьян.

Состояние крестьянского хозяйства касались и при обсуждении на этом съезде вопроса о многополье и трехполье. Многополье на съезде поддержки не получило. Смоленский помещик Рачинский отметил, что при многополье в крестьянском хозяйстве будет много потрав, от которых крестьяне страдают и при трехполье, и что лучшее средство к увеличению урожая — это увеличение крестьянского скота. Война-Куринский также высказался за трехполье: кто не имеет достаточных знаний для перехода к многополью, тот, сказал он, «поступит благоразумнее, если останется при прежнем порядке». Таких же взглядов придерживались и Целлинский, заявивший, что «в России плодосменные севообороты на манер заграничных в самой большей части случаев неудобоприменимы и что русский хозяин помощью некоторых усовершенствований трехпольного хозяйства несравненно вернее и скорее может достигнуть желаемых улучшений» (из беседы с Целлинским вне заседаний во время съезда 1855 г.).

На съезде 1854 г. обсуждался также вопрос о времени посева яровых. Война-Куринский высказался за ранний посев и ссылаясь при этом на практику некоторых крестьян, для которых показатель времени посева яровых—это появление и развитие первых почек на березе. Ранний посев защищал также витебский помещик Грейфенфельс, указывая на то, что поздние посевы иногда не возвращали семян. Другие участники съезда указывали, что время посева зависит от местности и что важна подготовка земли с осени. Краузе, описывая свое агропутешествие 1855 г., вспоминает о больших спорах на этом съезде о времени посева яровых и говорит, что большая часть присутствовавших на съезде не согласилась с ранним посевом.

На четвертом съезде (1856) был поставлен специальный вопрос о положении крестьянина-белоруса. Ограниченный в рассмотрении этого вопроса названными выше министерскими и цензурными распоряжениями, Война-Куринский предложил искать разрешение его в развитии крестьянских промыслов.

«Здесь повсеместно жалуются на бедность крестьян. Нельзя ли обратиться к каким-либо промыслам и этим открыть средства к улучшению их быта?»—с таким вопросом обратился Война-Куринский к съезду перед его обсуждением.

Адъюнкт-профессор Советов предложил развивать среди крестьян лесные промыслы: столярный, бочарный, гонку дегтя и скипидара и т. п. Помещик Менжинский, ссылаясь на быстрое распространение суконных фабрик в Гродненской губ., предлагал развивать фабричное производство. Помещик Дьяков считал, что хорошо в крестьянских ремеслах добиваться разделения труда, чтобы одна деревня изготовляла дуги, другая—колеса, третья—деревянную посуду и т. д. Адъюнкт-профессор Гинцель на предложение Дьякова отметил невозможность разделения труда при натуральном характере крестьянского хозяйства и предложил улучшать уже имевшиеся производства, особенно «обделку» льна и пеньки. Он сказал: «Разделение труда пока еще не может существовать между белорусскими крестьянами, во-первых, потому, что нужды их весьма ограничены и каждое семейство посредством собственного малочленного труда удовлетворяет всем своим потребностям и, во-вторых, потому, что крестьяне слишком бедны и не имеют средств (денег), чтобы пользоваться произведениями, приготовленными вне их дома». Когда смоленский помещик Карабанов предложил, чтобы правительство пришло на помощь крестьянам в деле обработки и продажи пеньки и льна, то Война-Куринский заметил, что правительству трудно брать в свое ведение «подобные частные интересы сельских хозяев», и предложил этим делом заняться самим помещикам, организовав для этого совместно с купцами «Торговую компанию на акциях», то есть предложил направить эту сельскохозяйственную отрасль на путь торгово-промышленного развития, к которому помещики-крепостники относились барски-пренебрежительно, считая его не дворянским делом.

Работа съездов оказывала некоторое влияние на деятельность ГЗИ. Так, под влиянием рассмотрения на съезде вопроса о дренаже было начато устройство дренажа при ГЗИ. Курляндский помещик Фиркс ознакомил участников первого съезда с пользой дренажа для полеводства, с распространением его за границей, рекомендовал помещикам организоваться в товарищество, приобрести машину для выделки труб и пригласить инженера и в то же время с похвалой отозвался о ГЗИ, как об одном из отличнейших агрономических заведений в Европе [92; кн. 3]. После съезда Совет ГЗИ, отвергнув предложение о помещичьем товариществе, решил устроить дренаж на своей территории; департамент сельского хозяйства это разрешил и направил в ГЗИ агронома Козловского, питомца ГЗИ, который и приступил к устройству дренажа в 1855 г.

При рассмотрении на съезде вопроса о борьбе с болезнями картофеля была вскрыта несостоятельность рекомендации адъюнкт-профессора Больмана о просушивании посевного картофеля с целью предохранения его от болезни. С этим предложением Больман выступил в «Записках» (кн. 2) и получил поддержку от «Журнала МГИ», который писал: «Хвала и честь Больману, открывшему тайну радикального лекарства «от

спустошительной картофельной язвы». Между тем могилевский помещик доктор медицины К. Ф. Цеккерт провел микроскопическое исследование картофеля, высушенного по способу Больмана, и нашел, что влага не вредит нормальному развитию картофеля. Цеккерт доложил об этом на 2-м съезде, после чего предложение Больмана было съездом признано нецелесообразным.

Не получило одобрения на 3-м съезде и предложение Краузе о предохранении заболзваний картофеля путем посадки его с горохом. Целлинский, отметив научную необоснованность такого сожительства, отклонил это предложение.

Вопрос об удобрении почвы занимал все съезды при ГЗИ. Как удобрение Целлинский популяризировал известь и травосеяние. Михельсон и Война-Курицкий рекомендовали торф и чернозем, Стебут, Михельсон, Целлинский и Жебенко на 4-м съезде указывали, как на подспорье к навозу, на костное удобрение. Кроме того, на этом же съезде Михельсон напоминал о рекомендации англичан Туля и Смита сеять пшеницу полосами и без удобрения, хотя тут же указывал на неосновательность этого предложения. Менжинский также подтвердил, что при наших почвах и климате без удобрения почвы органическими веществами обойтись нельзя.

Таковы некоторые данные о составе и предметах занятий сельскохозяйственных съездов, происходивших при ГЗИ.

Анализ приведенных и других материалов о съездах при ГЗИ показывает, что, во-первых, руководящая роль на съездах принадлежала не приезжим помещикам, а ГЗИ, благодаря чему на съездах особое внимание уделялось крестьянскому хозяйству, упадок которого в предреформенные годы острее проявлялся, и, во-вторых, характер и направленность обсуждавшихся на съездах вопросов свидетельствовали о сельскохозяйственном кризисе в эти годы и о поисках выхода из кризиса путем улучшения сельскохозяйственной практики и развития сельскохозяйственной промышленности и крестьянских промыслов.

Первый сельскохозяйственный съезд 1853 г. сопровождался сельскохозяйственной выставкой, устройство которой предусматривалось Положением ГЗИ. Всего сельскохозяйственных выставок при ГЗИ было три: в 1850, 1853 и 1857 гг. На выставке 1853 г. [92; кн. 3], наиболее широко обставленной из всех выставок, были представлены 1432 экспоната от 560 представителей, из которых государственных крестьян, привлеченных к выставке казенными палатами, было 494, помещиков—30 и других сословий—36. По губерниям экспонаты распределялись следующим образом: Могилевской — 555, Витебской, Виленской, Гродненской, Минской и Смоленской—763, Вологодской, Калужской, Псковской, Таврической и Харьковской (от этих губерний по одному представителю) — 114 экспонатов.

Таблица 15

Виды экспонатов на сельхоз. выставке 1853 г. при ГЗИ

Полевод-ство	Ткани и полотно	Изделия из				Животно-водство	Пчеловод-ство	Сельскохо-зяйствен-ные маши-ны и ору-дия	Садовод-ство и огородни-чество
		метал-ла	глины	дерева и соло-мы	кожи				
427	313	196	154	139	62	68	40	54	48 кол-лекций

Выставка, таким образом, была по преимуществу полеводческого и кустарно-промышленного крестьянского характера и отличалась от описанной выше сельскохозяйственной выставки при Московской земледельческой школе 1846 г., на которой совершенно отсутствовали предметы крестьянского хозяйства и преобладали предметы крупной сельскохозяйственной промышленности.

За лучшие экспонаты были выделены 2 золотые и 9 серебряных медалей помещикам, похвальные листы—19 помещикам и 23 крестьянам, а денежные премии на сумму 342 руб. (от 3 до 25 руб. каждая) —77 крестьянам.

Третья (последняя) сельскохозяйственная выставка 1857 г. была по количеству участников (355), в особенности крестьян (265), и экспонатов (706) почти в 2 раза меньше выставки 1853 г., что МГИ объясняло отсутствием интереса к выставке со стороны крестьян и трудностью из-за плохих дорог доставлять в Горки экспонаты: на всех трех сельскохозяйственных выставках преобладали предметы из окрестностей ГЗИ, не далее 70 верст. Поэтому МГИ признало выставки при ГЗИ не достигшими цели и в дальнейшем не разрешало их устройство, а заодно и съездов, для проведения которых согласно Положению требовалось каждый раз особое распоряжение МГИ [89; 1857, XI, 166—190].

Но прекращение после 1857 г. съездов и выставок при ГЗИ последовало не столько по указанным мотивам, сколько потому, что с 1857 г. во главе МГИ оказался М. Н. Муравьев, поведший борьбу с наследством от Киселева и не могший примириться с тем, что на выставках при ГЗИ численный перевес имели крестьяне.

На торжественном годовом акте, посвященном началу занятий в ГЗИ, зачитывался отчет и произносилась преподавателем речь на научную тему. Речи, произнесенные преподавателями с 1851 по 1856 гг., напечатаны в «Записках», кроме речи Азаревича о русском законодательстве (1855), не допущенной к печати.

Шмидт произнес речь о микроскопе (1851). Передав историю изобретения микроскопа и его усовершенствования, Шмидт отметил значение его для ботаники, в частности, для отнесения инфузорий к животному миру, а не растениям, как продолжали считать некоторые исследователи; указывал он на пользу микроскопа и для сельского хозяйства—пользу, которая «теперь еще мало сознаваема, но скоро сделается для всех очевидно».

Рего в речи (1852) «О происхождении хозяйственных растений и перерождении их» касался огородных и садовых культур, которые, по его мнению, являются видоизменением дикорастущих. Рего считал, что сама «игра природы» указывает на следующие факторы, от которых видоизменяются растения: климат, почва, удобрение и оплодотворение, в подтверждение чего он приводит примеры из разных сортов гороха, салата, капусты и др.

Раздольский рассказал (1853) о зарождении ветеринарной медицины в древней Греции и Риме и о состоянии ее в начале XIX века в некоторых европейских государствах, а в конце отметил важность этой науки для сельского хозяйства.

Гинцель (1854) перечислил различные условия, влияющие на поземельную ренту: климат, почву, удобство сбыта, густоту населения и т. д. и назвал сельского хозяина «душой земледельческой промышленности». Он довольно подробно остановился на важности высокой задельной оплаты земледельческих работников, т. е. труда крестьян. «Богатые ра-

ботники,—говорил Гинцель,—обыкновенно отличаются большею силою, трудолюбием и нравственностью, отчего труд их становится более производительным, ...стоит сравнить заделную плату и производительность труда белоруса и ярославца, американина и англичанина, дабы убедиться, что самая высокая плата, принося пользу работнику, не уменьшает дохода сельского хозяйства». Большое и невыгодное колебание цен на хлеб Гинцель объяснял недостатком денежных и хлебных запасов в неурожайные годы. Для борьбы с этим бедствием Гинцель предлагал учреждать магазины, покупающие хлеб в годы урожайные и продающие его в годы неурожайные.

Королев, адъюнкт-профессор механики, в своей речи (1856) рассказывал о составе известки как строительного материала и о местных (оршанских) ее ресурсах. По словам профессора А. В. Советова, Королев в ГЗИ полюбил строительное дело, участвуя в постройке новых зданий. «Определяя влияние добывания известки на благосостояние рабочего класса», Королев остановился на разработке известняка на берегу Днепра, около Орши, на участке, принадлежавшем духовному ведомству, сдававшему землю в аренду. Ежегодно около Орши добывалось от 200 до 300 тыс. пудов известки, две трети которой направлялись по Днепру в Киев и Кременчуг, а остальная продавалась на месте по 6 коп. за пуд при стоимости добычи ее в 2 коп. Так что добыча известки ежегодно давала до 9 тысяч руб. дохода (добывалось ее до 250 тыс. пудов). Разрабатывался известняк сначала в подземных галереях, но после частых обвалов, засыпавших рабочих, стали раскапывать известку без галерей. За раскопку кубической сажени известки рабочие получали от 2,5 руб. (зимой) до 5 руб. (летом). Добычу известки Королев рассматривал как хорошую доходную статью, влияющую на благосостояние окрестного населения.

Содержание перечисленных научных речей, произносившихся в 50-е годы преподавателями ГЗИ на торжественных актах и помещенных в «Записках», указывает на их связь с отдельными темами преподаваемых предметов, причем содержание речей Шмидта, Рего и Раздольского было более технического, а Гинцеля и Королева—экономического характера.

Из отдельных статей «Записок», принадлежавших адъюнкт-профессорам, следует назвать две статьи: Рего «О повреждениях и болезнях фруктовых деревьев» и Больмана «Об обжигании кирпича».

Сведя причины болезни фруктовых деревьев к неправильному уходу, неблагоприятной погоде и повреждению от животных и растений, Рего описывает болезни деревьев: воспаление, рак, истечение смолы и др. и стмечает, что большая часть болезней происходит от неправильного ухода за деревьями.

Статья Больмана состоит из 4 разделов: 1) перевод статьи из французского журнала «Le Technologiste» (XI, 1841) «Новая печь для обжигания кирпича» и критический разбор ее; 2) недостатки обыкновенного обжигания кирпича и меры к их исправлению; 3) опыты и акт комиссии, следившей за ними и 4) правила устройства печей в больших кирпичных заводах и обжигание в них кирпича в весьма короткое время со значительным сбережением топлива.

Среди материалов «Записок» необходимо отметить статьи пяти окончивших ГЗИ: Н. Афанасьева, Н. Капустина, И. Савинича, А. Советова и И. Стебута, названных в подписях под статьями агрономами, т. е. тем высшим званием, которое присваивалось питомцам ГЗИ. Н. Афанасьеву принадлежит крупная статья «О поземельном богатстве Воронеж-

ской губ.», написанная по материалам современной ему сельскохозяйственной литературы и Воронежской палаты государственных имуществ, где автор работал. При описании различных сельскохозяйственных явлений этой хлебной губернии Афанасьев главное внимание уделяет крестьянину. Говоря о пшенице, как важном продукте местной торговли, наряду с ржаной мукой и льняным сменем, автор рассказывает об экономической закабаленности крестьянина хлебными торговцами, объединившимися в своеобразный синдикат спекулянтов.

Описав расход и приход крестьянской семьи из двух ревизских душ и двух подростков, Афанасьев сводит весь доход помещичьего крестьянина от главнейших его занятий, хлебопашества и скотоводства, в среднем урожайный год до 21 руб.; к этой же сумме сводится и его расход. Такой бюджет Афанасьев находит и у государственного крестьянина, хотя и имеющего больше земли и больше прибыли, но зато несущего большие расходы по оплате разных повинностей. Касается Афанасьев и тяжелых условий работы придонских бурлаков, судорабочих, а также крестьянских промыслов и ремесел. В заключении статьи автор считает самым главным условием для совершенствования сельского хозяйства развитие торговли и улучшение водных путей сообщения. «Торговая деятельность оживила бы многие рынки Воронежской губ. и вознаградила бы с большой выгодой и труд земледельца и капитал торговца, а следовательно, и сумма поземельного богатства губернии увеличилась бы в несколько раз против настоящего», — так заканчивается статья.

Такого же экономического содержания статья второго питомца ГЗИ И. Савинича «Мочальный промысел поселян Могилевской губ.». В ней Савинич описывает условия работы крестьян по тканью циновок и рогож. сбыту этой продукции и выгоду от промысла главным образом в Кошелевском обществе, Гомельского уезда.

Экономическая статья третьего выпускника ГЗИ Н. Капустина касается овцеводства в Екатеринославской губ., в которой, по словам автора, приволье пастбищ и сенокосов издавна направили население на занятие скотоводством. Рассмотрев состояние овцеводства в данной губернии с разных сторон: кормление, стрижка, продажа шерсти, стоимость содержания овец, их болезни и лечение,—Капустин приходит к выводу, что овцеводство Екатеринославской губ. далеко до совершенства из-за небрежного ухода и неправильного кормления.

А. Советову, готовившемуся к преподавательской деятельности в ГЗИ, принадлежит в «Записках» две статьи: 1) «О состоянии Остзейского полеводства, (винокуренное и пивоваренное производство, которое он описал, изучив его при командировке в Прибалтику после окончания ГЗИ) и 2) вступительная лекция по сельскохозяйственной технологии, прочитанная им 27 августа 1855 г. в ГЗИ в присутствии преподавателей и студентов. В этой лекции Советов говорил:

«Вступая на кафедру преподавателя сельскохозяйственной технологии, я начинаю свое настоящее служебное поприще в том именно заведении, где и сам был воспитанником, где проходил те же самые курсы, какие и вы, для изучения общезнаваемой нами науки — агрономии, и под руководством наших общих наставников, здесь присутствующих... Педагогическое поприще для меня еще ново, но, как бывший студент, я еще помню, чего хочет слушатель от наставника. Это послужит началом для соображения приемов преподавания. Далее же опыт укажет, на что следует обратить прежде внимание, чтобы идти более верною дорогою».

Затем Советов рассказал о своих наблюдениях в области сельскохозяйственной технологии в Петербургской и Московской губерниях, в Остзейском крае и других местах России, а также во время полугода

ного путешествия по Германии, Бельгии, Голландии и другим странам. Говоря об этом путешествии, Советов отмечает, что, «нисколько не стесняясь, можно сказать, что мы в деле свеклосахарного производства, хотя не стоим выше иностранцев, но и немного от них отстали, и что в нашей стране есть чему поучиться сельскохозяйственной технологии». Для развития сельскохозяйственной технологии, по мнению Советова, сельскому хозяйству необходим капитал на приобретение помещения и закупку сырья, и сельский хозяин сам должен разбираться в «снарядах» — ремесленных инструментах.

«Работник по сельской фабрике, — говорил Советов, — не ремесленник какой-либо, у которого часто на всю жизнь одно и то же занятие, а тот же самый крестьянин, который обрабатывает поле, ходит за скотом, одним словом, исправляет все хозяйственные работы. Такому работнику трудно сделаться вдруг мастером».

Поэтому Советов рекомендует отказаться от многосложности и затейливости в устройстве «снарядов», чтобы и крестьянин мог разобраться в них и уверенно работать.

Советов отстаивал в своих лекциях мысль о необходимости развивать крестьянские промыслы по обработке сельскохозяйственных продуктов.

И. Стебут, также готовившийся к педагогической деятельности в ГЗИ, поместил в «Записках» две статьи по агротехнике: описание веронского молотильного катка и описание подпочвенного плуга Реада, доставленного в ГЗИ с Лондонской всемирной выставки 1852 г. Своей глубокой вспашкой и разрыхлением плуг Реада (к описанию дан чертеж) получил известность у окрестных помещиков, присылавших заказы на него в мастерские Горыгорецкой фермы.

Краткое рассмотрение названных статей, которые принадлежали окончившим ГЗИ, показывает, что обучение в ГЗИ приносило свою пользу: вырабатывало у учащихся умелый подход к местному хозяйству, умение рассмотреть его с практической и экономической стороны и делать выводы о важности тех или других агромероприятий, в особенности для крестьянского хозяйства.

Остальные статьи «Записок», здесь не рассматриваемые, имеют специальное содержание, как, например, статья студента 4-го курса ГЗИ К. Буркевича с кратким описанием Куртрейского плуга, перечень орудий и машин, приобретенных для ГЗИ в Англии и Америке в 1852 г., дневные записи метеорологических наблюдений в ГЗИ (показания барометра, термометра, дождемера, направление ветра) и выводы из наблюдений, отзывы о руководствах Шмидта по химии и Рего по садоводству и огородничеству и др.

Появление «Записок ГЗИ», первого печатного органа специального учебного заведения, было встречено периодической печатью, общей и сельскохозяйственной, с одобрением и похвалой.

При выходе 1-й книжки «Записок» журнал «Москвитянин» [1852, № 2, 76—87] отозвался о ГЗИ, как о полезнейшем учебном заведении, а о его «Записках» — как о ценном издании, в особенности отчетами об опытах. «Результаты опытов, произведенных в Горыгорецкой учебной ферме над некоторыми сортами пшениц, ячменей и овсов, — пишет журнал, — очень сходны с результатами, виденными нами в северной части Тульской губ., где посевы пшениц по большей части неблагоприятны, а крупный английский овес обыкновенной породы также очень скоро перерождается, теряя год от году крупинку зерна и требуя еще больше семян на посев, чем в первый год». В отзыве о 5-й книжке «Записок» большое одобрение со стороны «Москвитянина» [1856, № 9, 57—63] получила статья Афанасьева, как хорошо написанная о том, что

ридел, слышал и изучал автор. «Производительные силы России, — пишет журнал, — загадка для ученых и правительства... Нельзя не сказать Афанасьеву русское спасибо за описание поземельного богатства Воронежской губ... Побольше таких статей, и мы скоро узнаем производительные наши силы».

Такую же оценку статья Афанасьева получила и в журнале «Современник» (1856, т. 58, № 6), в которой также был помещен отзыв о пятой книжке «Записок». Статью Афанасьева «Современник» считает важнейшей по объему и достоинству, по обилию фактов и по выводам. В то же время автор заметки высказывает сожаление, что Афанасьев ограничился собиранием фактов и цифр, не установил их внутренней связи, не сгруппировал экономических вопросов «путеводной нитью», не указал отличия великоросса от украинца и др. Но заканчивает свой отзыв «Современник» так же, как и «Москвитянин»: «Желательно, чтобы такие труды являлись почаше».

«Журнал сельского хозяйства», издание МОСХ, также приветствовал «Записки» как «обширное поприще» питомцам и преподавателям ГЗИ для учебной и полезной деятельности [90; 1854, № 1, 19].

«Читая отчеты о занятиях студентов, учеников и воспитанников, видно, — пишет этот журнал, — что там на все, относящееся к хозяйству, обращено внимание: там беспрестанно теория поверяется практикой и, наоборот, — сия последняя на каждом шагу подводится под нормы науки, — и все опыты, наблюдения, удаchi и неудачи делаются известными. Таков и должен быть ход занятий в образцовом земледельческом заведении, от которого хозяева ждут людей знакомых с занятиями по разным отраслям сельскохозяйственной промышленности».

Отчет по учебной ферме журнал называет «справочным листком для сельских хозяев и самым верным и надежным руководителем в деле ведения хозяйства», так как в отчете показаны выгоды одного севооборота перед другим, с точностью определено количество рук, необходимых для возделывания и уборки урожая на определенном участке; вычислены количество корма, необходимого для содержания скота в течение года, и доход, получаемый от скота приплодом, продуктами и навозом.

«Журнал сельского хозяйства» оправдывает возможные неудачи и убыточность некоторых опытов, проводившихся при ГЗИ, указывая, например, на кошение ржи в зелени, на возделывание в огороде спаржи, дынь и арбузов и др... «Жертвуя издержки на опыты, — замечает журнал, — правительство дает опытные уроки хозяевам».

«Неоспоримо первое место по своей назидательности для хозяев умеренной полосы России» из второй книжки «Записок», по мнению московского журнала, занимают «Путевые заметки по некоторым уездам Смоленской и Калужской губ.» Б. Михельсона. Особенно важными являются советы Михельсона о применении углубителя, который разрыхляет подпочву более широкими пластами, подобно плугу, и опыты с ним на ферме. Назидательны также замечания Михельсона о содержании скота и о средствах улучшения его. «Полезно хозяевам читать подобного рода наставления, — заканчивает журнал отзыв о «Путевых заметках» Михельсона. — не менее полезно и молодым людям путешествовать для ознакомления с сельским хозяйством». С одобрением «Журнал сельского хозяйства» отзывается и о статье Советова «Состояние полеводства в Остзейских губерниях»: «Видно, что Советов внимал в ход всех отраслей сельского хозяйства в Остзейских губерниях и

гозаяботился со всею подробностью передать это читающей публике».

«Журнал МГИ» также популяризировал и поддерживал «Записки ГЗИ». О второй книжке «Записок» «Журнал МГИ» говорит: «В деле приготовления удобрений, как и во всем, что относится к технике сельского хозяйства, голос ГЗИ заслуживает беспрекословного внимания [89, 1853, № 1].»

Содержание 3-й книжки «Записок», по мнению «Журнала МГИ», разнообразно и интересно [89; 1854. х 24]. «Особенно радостно прочесть в 3-й книжке, — пишет журнал, — суждения по различным местным хозяйственным вопросам помещиков и наставников института на съезде 19 августа 1853 г.». Обращается внимание на результаты опытов с различным кормлением овец на меринсовой овчарне фермы. Здесь же сказано о статье Савинича «О мочальном промысле», что эта дельная статья написана сжато, но вместе с тем полно и отчетливо, что служит доказательством того прекрасного развития, которое получают студенты ГЗИ. Автор заметки жалеет, что мочальный промысел в целом крае упал, как показал это Савинич.

Приведенные одобрительные отзывы о «Записках» на страницах пространственных столичных журналов популяризировали ГЗИ и его печатный орган и в то же время свидетельствовали о значении ГЗИ для современной сельскохозяйственной практики, о значении и влиянии «Записок» в распространении сельскохозяйственных знаний.

С выходом 6-й книжки (1857) «Записки ГЗИ» прекратились. Прекращение их было вызвано политическими событиями второй половины 50-х годов, в частности, переменами в МГИ. В 1856 г. был устранен от управления министерством П. Д. Киселев; на его место вскоре был назначен М. Н. Муравьев, отрицательно относившийся к деятельности Киселева; ушел из МГИ директор департамента сельского хозяйства Левшин, которого временно заменил Заблоцкий, отстраненный от руководства «Журналом МГИ»; удален из МГИ Веселовский, участвовавший в редакции «Журнала МГИ», и значительно сокращен штат статистического отделения, ведавшего изданием «Журнала МГИ» и «Записок ГЗИ». Заблоцкий, в ведении которого оказался ГЗИ, предвидя трудности с изданием не только «Записок», но и «Журнала МГИ», в конце 1856 г. обратился в ГЗИ с предложением изменить порядок издания «Записок». Статьи, предназначенные для «Записок», он предлагал печатать в министерском журнале, а затем из оттисков составлять «Записки». Предлагая такой порядок, Заблоцкий ссылаясь на то, что 5-летний опыт издания «Записок» не вполне себя оправдал, так как в них было мало научных трудов, а в то же время издание каждой книжки стоило свыше 400 руб., а рассылались и раздавались они в большинстве бесплатно, и издание, таким образом, себя не окупало [3; № 1436].

Следует отметить, что распространение «Записок» действительно было крайне ограниченное: тираж был 600 экземпляров; 75 книжек рассылалось бесплатно в учреждения, учебные заведения, библиотеки и периодические издания в порядке обмена; 15—20 раздавалось бесплатно окончившим ГЗИ; 30—40 книжек продавалось по 75 коп. и только в последний год было продано больше всего — 82 книжки [1; № 5285]. Немного больше (670—900) был тираж «Журнала МГИ» [99 б; 246].

Совет института рассмотрел и отклонил предложение Заблоцкого о составлении «Записок» из журнальных статей на том основании, что такие «Записки» не вызовут никакого интереса, так как содержание их будет предварительно известно [3; 1436].

Вместе с тем Совет института встал на защиту издания «Записок» как самостоятельного органа, опровергая мнение о необходимости самокупаемости «Записок» и настаивая на необходимости государственной денежной поддержки этого специального издания и создания более благоприятных условий в работе преподавателей для «Записок».

«Если обратить внимание на наши специальные журналы и газеты, издаваемые различными ведомствами и министерствами, — писал Война-Куринский в Ученый комитет министерства, передавая мнения, высказывавшиеся на Совете, — то вряд ли найдется много таких, которые бы существовали без прямого, часто довольно значительного, денежного пособия от правительства». Издержки на такие издания, указывалось далее, не могут окупиться от их продажи. При этом приводилась ссылка на пример университетов, издававших так называемые университетские «акты», все издержки на которые покрывались государством, так как эти «акты», раздавались бесплатно. Стоило же это издание университету около 270 руб. — немного меньше стоимости «Записок».

Малое число научных работ в ГЗИ Заблоцкий объяснял перегруженностью преподавателей учебно-педагогической работой, а Совет института оправдывал это также и отдаленностью местечка от культурных центров, отсутствием одинаковых специалистов, с которыми можно было бы обмениваться мнениями по разным вопросам, благодаря чему научный труд значительно улучшается, работа над трудами бывает плодотворнее.

Для поощрения преподавателей к написанию научных трудов для «Записок» Совет ГЗИ предлагал установить авторский гонорар: «Вознаграждение служило бы поощрением и помогало преподавателям института в содержании при весьма ограниченном жаловании, сравнительно с неудобствами жизни и дороговизною в крае предметов первой необходимости, не говоря уже о высокой цене фабричных изделий; в продолжение двух лет ржаная мука не продается в Горках дешевле 40 коп. за пуд, а в настоящем месяце (декабрь, 1856) — по 1 р. 20 к., гарнец гречневой крупы — от 13 до 20 коп». Цены на предметы потребления после Крымской войны действительно очень возросли. Писатель Афанасьев-Чужбинский («Поездка в южную Россию», 1869, стр. 244), говоря о социально-бытовых условиях жизни населения в 1856—1857 гг., писал «военное время довело цены до невероятности».

Жалованье преподавателей ГЗИ, хотя и приближенное к жалованью преподавателей университетов и гимназий, все же было «весьма ограниченным»: в месяц директор получал 216 руб., профессор, он же и декан, (Целлинский) — 116 руб., младшие профессора (Краузе, Михельсон, Шмидт) — 70 руб., адъюнкт-профессора (Азаревич, Гинцель, Кньюфер, Королев, Рего, Советов) — 60 руб., старшие учителя (Венцовский, Раздольский, Стебут) — 50 руб. и младшие учителя (Жебенко, Коссович) — 33 руб. Так что просьба ГЗИ об авторском гонораре была небезосновательна. Эту просьбу Война-Куринский подкреплял также ссылкой на МНП, которое выплачивало до 35 руб. за оригинальную статью, помещенную в «Журнале МНП». Для освобождения министерских чиновников от работ по изданию «Записок» предлагалось поручить редакцию «Записок» одному из преподавателей за особую плату.

Отстаивая необходимость продолжать издание «Записок» на прежнем основании, Совет ГЗИ указывал на значение «Записок» в деле популяризации ГЗИ и привлечения к нему студентов, которые, благодаря

знакомству с «Записками», предпочли поступить в отдаленный от них земледельческий институт, а не в ближайший университет.

Предложения Совета ГЗИ об издании «Записок» и о мерах к их улучшению рассматривались в присутствии Война-Куринского в Ученом комитете, который согласился с основными положениями, высказанными на Совете ГЗИ, затем Заблоцкий, лично посетивший ГЗИ летом 1857 г., согласился поручить редактирование «Записок» преподавателю с оплатой по 30 руб. за печатный лист оригинальной статьи, но с условием, чтобы «Записки» печатались в Могилеве, а не в Петербурге, дабы не отвлекать департаментских чиновников на издание [3; № 1436].

Совет ГЗИ согласился на издание «Записок» в Могилеве, но встретилось затруднение со стороны цензуры. Хотя в Могилеве и был цензор для «Губернских ведомостей», но он не мог справиться с цензурой всех материалов, предназначенных для «Записок». Война-Куринский в октябре 1857 г. просил Ученый комитет предоставить право цензуры «Записок» Совету ГЗИ по примеру университетов, в которых факультеты имели право цензуры сочинений сотрудников университета и других специальных статей, а также на основании § 79 Положения о ГЗИ, разрешавшего издавать в свет речи, рассуждения, программы и отчеты.

Право цензуры Совету ГЗИ не было предоставлено, и выход «Записок» прекратился.

Вместо «Записок», в 1858 г. был издан МГИ на 16 страницах «Краткий указатель Горыгорецких земледельческих учебных заведений», содержащий в себе исторические сведения о ГЗИ и учебной ферме, о постройках и вспомогательных учреждениях ГЗИ, о местечке Горках. К «Указателю» дано 12 приложений с перечнем коллекций по земледельческим орудиям, луговодству, сельской технологии и т. д., а также 3 плана: ГЗИ, местечка Горок, Горыгорецкой учебной фермы и фольварка Иваново.

Не возобновились «Записки» и в следующие годы, несмотря на специальное для этого ассигнование в 600 руб. в штатном расписании 1859 г. и несмотря на предложение в 1861 г. новго директора департамента Д. Д. Неелова возобновить их издание. Директор ГЗИ в это время Р. Э Траутфеттер от имени Совета ГЗИ ответил на предложение издания «Записок» отрицательно, мотивируя тем, что в ГЗИ много новых молодых преподавателей, не имеющих времени для научных трудов из-за занятости учебной работой, слишком сложной процедурой выпуска «Записок» через Петербург и малым распространением издававшихся «Записок», из-за чего преподаватели предпочитают помещать свои труды в отечественных и иностранных журналах.

Неелов, ставленник и единомышленник Муравьева, предлагая возобновить «Записки», имел в виду направить их в отличие от «Записок» при Киселеве главным образом на поддержание помещичьего хозяйства, и потому-то возобновление издания через министерство для ГЗИ оказалось, по словам Траутфеттера, процедурой слишком сложной, а в сущности неприемлемой.

Материал, касающийся «Записок», показывает, что главной причиной их прекращения были не издательские затруднения, которые выдвигались МГИ, а отрицательное отношение крепостника Муравьева ко всей деятельности своего предшественника. Муравьев говорил: «У графа Киселева все было теория. Теорию нужно в сторону, надобно практику» [18; 17]. «Записки», отражавшие частично, как это показано выше, анти-

крепостнические взгляды, и были в глазах Муравьева одним из видов «теории», которую нужно было «в сторону».

Между тем «Записки ГЗИ» при ограниченности распространения и кратковременности издания, сыграли свою роль. Они оказали влияние на сельскохозяйственную практику и науку, популяризировали сельскохозяйственную печать; показали ГЗИ как действительно высшую сельскохозяйственную школу того времени, занятую разнообразной учебно-воспитательной, научной и общественной работой; частично в условиях тогдашней цензуры отразили антикрепостнические взгляды и настроения, которые затем в начале 60-х годов проявились в ГЗИ более ярко и, описывая состояние сельского хозяйства России середины XIX века, ее центральных губерний, Белоруссии, Украины, Прибалтики и других мест, запечатлели важный исторический материал.

Сыграв роль первого специального периодического издания высшей сельскохозяйственной школы, «Записки» только через 20 лет нашли своего продолжателя в «Известиях Петровской земледельческой и лесной академии», начавших выходить с 1878 г. по 3 книжки в год, а через 65 лет и сами возродились в Горках: в 1923 г. в Горьком сельскохозяйственном институте, восстановленном в 1919 году, вышел первый том «Записок Горьковского сельскохозяйственного института», отпечатанный в собственной институтской типографии и изданный самим институтом в городе Горки, Могилевской области.